

СТИВЕН КИНГ

Мертвая зона

Впервые — полный перевод романа
«Мертвая зона», с которого
началось знакомство
русского читателя
с Кингом.

Стивен Кинг

Мёртвая зона

«Издательство АСТ»

1979

Кинг С.

Мёртвая зона / С. Кинг — «Издательство АСТ», 1979

ISBN 978-5-271-40228-9

Столкновение на льду обернулось для Джона Смита сотрясением мозга. С тех пор его неизменно преследуют страшные видения. А еще после катастрофы он приобрел сверхъестественные способности, превосходящие дар любого ясновидящего. Теперь Джон раскрывает самые запутанные преступления. Помогает попавшим в беду людям. И однажды понимает, что он – единственный, кто в силах остановить рвущегося к власти политика, готового ввергнуть в хаос и ужас миллионы людей... Но чем ему придется за это заплатить?

ISBN 978-5-271-40228-9

© Кинг С., 1979

© Издательство АСТ, 1979

Содержание

От автора	5
Пролог	6
1	6
2	9
Часть I	13
Глава первая	13
1	13
2	19
3	20
4	22
Глава вторая	33
1	33
2	34
Глава третья	38
1	38
2	41
3	42
4	44
5	45
6	46
Глава четвертая	49
Глава пятая	52
1	52
2	52
3	54
4	57
5	59
6	59
7	61
8	63
9	64
10	65
Глава шестая	67
1	67
2	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Стивен Кинг

Мёртвая зона

От автора

События, изложенные в романе, вымышлены. Все персонажи – тоже плод авторской фантазии. Поскольку действие происходит в исторических условиях минувшего десятилетия¹, читателю могут встретиться имена реальных людей, известных в семидесятых годах. Надеюсь, портрет ни одного из этих лиц не искажен.

В штате Нью-Хэмпшир нет третьего избирательного округа, как нет и города Касл-Рок в штате Мэн.

Приемы уроков чтения Чака Четсворта заимствованы из книги Макса Брэнда «Живой мозг», впервые опубликованной издательством «Додд, Мид энд компани».

Посвящается Оуэну

Я люблю тебя, старый увалень

¹ Впервые роман «Мертвая зона» вышел в 1979 г. – *Примеч. ред.*

Пролог

1

К окончанию колледжа Джон Смит уже не помнил, что в январе 1953 года сильно ударился головой и растянулся на льду. Вообще-то воспоминания о том злополучном падении стерлись из его памяти к концу школы. А родители об этом вообще ничего не знали.

Они катались на расчищенном от снега пяточке Круглого пруда в Дареме. Мальчишки постарше играли в хоккей старыми клюшками, обмотанными изоляционной лентой, а воротами служили старые корзины из-под картофеля. Малышня, как водится, крутилась тут же, смешно вихляя коленками и выпуская клубы пара на двадцатиградусном морозе. На углу расчищенной площадки чадили две горящие автомобильные покрышки, возле которых устроились родители, наблюдавшие за детьми. Снегоходы еще не изобрели, и зимние развлечения по-прежнему сводились к физической нагрузке, а не к испытанию на прочность бензиновых двигателей.

Джонни жил на окраине Паунала и пришел на каток с коньками, перекинутыми через плечо. Для шестилетнего мальчугана он катался очень неплохо. Конечно, не так хорошо, чтобы играть в хоккей с ребятами постарше, но вполне прилично, поэтому и описывал круги вокруг других малышей, которые судорожно взмахивали руками, стараясь сохранить равновесие, и все равно плюхались на лед мягким местом.

Сейчас Джонни медленно катился по краю расчищенного пяточка, мечтая научиться скользить задом наперед, как Тимми Бенедикс, и прислушиваясь к потрескиванию льда, крикам хоккеистов, обрывкам разговоров взрослых и урчанию грузовика, везущего через мост сырье на гипсовую фабрику в Лисбон-Фоллс. Он вовсе радовался жизни в этот отличный, позимнему холодный день. Ничто не омрачало его чудесного настроения, и ни о чем не мечталось... разве что научиться ездить задом наперед, как Тимми Бенедикс.

Проехав мимо костра, Джонни увидел, как несколько взрослых передают по кругу бутылку.

– Дайте мне тоже! – крикнул он Чаку Спайеру, на котором была большая клетчатая куртка и теплые зеленые фланелевые штаны.

Чак засмеялся:

– Проваливай, малыш! Вон тебя мама зовет!

Улыбаясь, шестилетний Джонни Смит покатил дальше.

И тут заметил, как по дороге к пруду спускается Тимми Бенедикс, а следом – его отец.

– Тимми! – закричал Джонни. – Смотри!

Он повернулся и неуклюже заскользил спиной вперед, не замечая, что движется в самую гущу хоккеистов.

– Эй, малыш! – крикнул кто-то. – Гляди, куда катишь!

Но Джонни ничего не слышал. У него получилось! Он ехал задом наперед! Мальчик вдруг уловил суть движения – надо только чуть вывернуть ступни...

Охваченный восторгом, он опустил взгляд, чтобы посмотреть, как двигались ноги.

Мимо него проскочила старая, изрезанная царапинами шайба со стертыми краями, но он не видел ее. Один из хоккеистов – не очень уверенно державшийся на коньках – бросился за ней, не замечая ничего вокруг.

Чак Спайер, первым поняв, что происходит, вскочил на ноги и крикнул:

– Джонни! Берегись!

Джонни поднял голову, и в следующий момент неумелый хоккеист врезался в него на полной скорости со всей тяжестью своих ста шестидесяти фунтов.

Джонни, раскинув руки, взмыл вверх и через мгновение рухнул на лед, ударился головой и провалился в темноту.

Тьма... Черный лед... Тьма... Черный лед... Черная мгла.

Джонни сказали, что он потерял сознание. А ему запомнились только навязчивая мысль о темноте и неожиданно окружившие его лица: испуганных хоккеистов, встревоженных родителей, любопытствующих малышей. Ухмыляется Тимми Бенедикс. Чак Спайер приподнимает Джонни со льда...

Черный лед. Мгла.

– Ну как ты? – спросил Чак. – Джонни... с тобой все в порядке? Ты здорово ушибся.

– Чернота, – глухо произнес Джонни. – Черный лед. Не надо на нем прыгать, Чак.

Чак испуганно оглянулся и, снова посмотрев на Джонни, осторожно потрогал огромную шишку, вздувшуюся на лбу мальчика.

– Я нечаянно, – сказал неуклюжий хоккеист. – Я даже не видел его. Малышам на хоккее не место. Это все знают.

Он неуверенно оглянулся, ища поддержки.

– *Джонни?* – снова окликнул Чак. Ему не понравился взгляд мальчика, мрачный, холодный, отсутствующий. – *С тобой все в порядке?*

– Не надо на нем прыгать, – повторил Джонни, по-прежнему не сознавая, что говорит – все его мысли занимал только черный лед. – Взрыв. Кислота.

– Может, отвезти его к врачу? – спросил Чак у Билла Гендрона. – Похоже, он бредит?

– Подождем минутку, – отозвался Билли.

Они так и сделали, и через некоторое время в голове Джонни действительно начало проясняться.

– Я в порядке, – пробормотал он. – Дайте мне встать!

Проклятый Тимми Бенедикс по-прежнему ухмылялся, и Джонни решил, что еще покажет ему. К концу недели он уже будет описывать круги вокруг Тимми: хочешь передом, хочешь задом.

– Иди-ка сюда и посиди у костра, – предложил Чак. – Ты здорово ушибся!

Джонни послушно дошел до горящих покрышек, но от едкого запаха плавящейся резины его затошнило. Потом разболелась голова, и он с любопытством ощупал шишку над левым глазом. Ему показалось, что она выпирает, как рог.

– Ты помнишь, как тебя зовут, и вообще? – поинтересовался Билл.

– Конечно. Я все помню. Со мной все в порядке.

– Кто твои мама и папа?

– Эрб и Вера. Фамилия Смит.

Билл и Чак, переглянувшись, пожали плечами.

– Думаю, с ним все в порядке, – заметил Чак и уже в третий раз добавил: – Он здорово приложился, верно? Поразительно!

– Дети... – Билл любовно посмотрел на своих восьмилетних дочурок-близняшек, которые катались, взявшись за руки, и снова перевел взгляд на Джонни. – От такого удара взрослый вряд ли очухался бы.

– Если, конечно, у него голова не пустая! – заметил Чак, и они рассмеялись. Бутылка виски снова пошла по кругу.

Через десять минут Джонни уже снова катался, головная боль утихла, а шишка на лбу выпирала, как бугорок. Вернувшись домой преисполненным гордости от того, что умеет кататься задом наперед, он напрочь забыл о злосчастном падении и потере сознания.

– Боже милостивый! – воскликнула Вера Смит, увидав сына. – Что случилось?

- Упал, – объяснил мальчик, с жадностью уплетая томатный суп.
- С тобой все в порядке, Джон? – участливо спросила она, осторожно трогая шишку.
- Конечно, мам.

Это было правдой, если не считать того, что и месяц спустя после этого Джонни время от времени снились кошмары... Да еще на него вдруг наваливались в необычное время неожиданные приступы сонливости. Но и кошмары по ночам, и приступы сонливости вскоре прошли.

С ним было все в порядке.

Как-то утром в середине февраля, обнаружив, что сел аккумулятор его старенького «де сото», Чак Спайер решил подзарядить его от грузовичка. Когда он подсоединял провод ко второй клемме аккумулятора, тот взорвался прямо перед ним, брызнув осколками и едкой кислотой в лицо. Чак потерял глаз. Вера сказала, что Господь был милостив, сохранив ему второй. Джонни очень переживал и через неделю после несчастного случая отправился с отцом навестить Чака в больнице Льюистона. Он был потрясен, увидев Большого Чака на больничной койке потерянным и жалким, и в ту ночь ему приснилось, что *он сам* оказался в больнице вместо Чака.

Впоследствии у Джонни иногда появлялись предчувствия. Например, он знал, какую песню поставит диджей на радио, но никогда не связывал это с тем злополучным ударом головой об лед. Со временем Джонни совсем забыл о том происшествии.

Предчувствия бывали довольно редко и никогда не удивляли его. Удивлять они стали после той ярмарки и случая с маской. Накануне второго несчастного случая.

Позже он часто размышлял об этом.

На «Колесе фортуны» Джонни выиграл *перед* вторым несчастным случаем.

Это было как напоминание из прошлого.

2

Летом 1955 года по Небраске и Айове колесил коммивояжер. Под лучами палящего солнца он сидел за рулем «меркьюри» пятьдесят третьего года, намотавшего уже больше семидесяти тысяч миль и явно нуждавшегося в регулировке клапанов. Коммивояжер был крупным парнем, типичным выходцем со Среднего Запада. Летом 1955 года Грегу Стилсону только исполнилось двадцать два, а он уже успел прогореть на малярном бизнесе в Омахе, лопнувшим четыре месяца назад.

Багажник и заднее сиденье автомобиля были заставлены картонными коробками с книгами. В основном Библиями. Самых разных форматов и размеров. Лучше всего расходилась «Библия Американского праведного пути», по доллару шестьдесят девять центов, с шестнадцатью иллюстрированными цветными вкладками и переплетом на авиационном клее, который гарантировал, что страницы не рассыплются по меньшей мере десять месяцев. Затем – для тех, кто победнее, – тоже карманного формата «Новый Завет Американского праведного пути», за шестьдесят пять центов и без цветных вставок, но зато со словами «Господь наш Иисус», напечатанными красным. Состоятельной публике предлагалось подарочное издание «Библии Американского праведного пути» по девятнадцать долларов девяносто пять центов в белом, под кожу, переплете, со специально оформленным местом для нанесения золотой краской имени владельца. Книгу украшали двадцать четыре цветных иллюстрации и вклеенные в середину чистые листы для записей дат рождений, свадеб и похорон. На подарочное «Слово Божие» распространялась гарантия в два года. В отдельной коробке хранились дешевые брошюры карманного формата, озаглавленные «Праведный путь в Америке: еврейско-коммунистический заговор против Соединенных Штатов».

На этих брошюрах, напечатанных на дешевой газетной бумаге, Грег зарабатывал больше, чем на всех Библиях, вместе взятых. В них рассказывалось, как Ротшильды, Рузвельты и Гринблатты прибирали к рукам американскую экономику и правительство. Графики наглядно показывали, что евреи напрямую связаны с осью коммунизма/марксизма/ ленинизма/троцкизма, а через нее с самим Антихристом.

В Вашингтоне еще помнили дни маккартизма, звезда Джо Маккарти на Среднем Западе пока не закатилась, а Маргарет Чейс Смит² от штата Мэн называли не иначе как «стервой» за предложенную ею Декларацию совести. Сельская клиентура Грега очень болезненно реагировала не только на идеи коммунизма, но и на то, чтобы миром управляли евреи.

Грег свернул на пыльную дорогу к ферме в двадцати милях от Эймса, штат Айова. На вид дом казался пустым: шторы задернуты, двери в коровник заперты; но, чтобы узнать наверняка, нужно проверить самому. Этот девиз неплохо послужил Грегу Стилсону за те два года, что они с матерью прожили в Омахе, когда уехали из Оклахомы. Из малярного бизнеса не вышло ничего путного, но он сослужил свою службу, на какое-то время избавив Грега от необходимости то и дело поминать Иисуса, да простится ему это маленькое святотатство. И вот теперь он снова был при деле, но уже не как проповедник или борец за духовное возрождение, и испытывал настоящее облегчение при мысли, что чудотворный бизнес остался в прошлом.

Грег открыл дверцу машины, и едва опустил ногу на пыльную дорогу, как из-за коровника с громким лаем выскочил здоровенный и злощипый пес с прижатыми ушами.

– Привет, дворяжка, – проговорил Грег приятным голосом, низким и завораживающим. Благодаря хорошо подвешенному языку он в свои двадцать два года уже приобрел навыки опытного оратора и умел увлечь аудиторию.

² Маргарет Чейс Смит (1897–1995) – первая американка, избранная и в палату представителей, и в сенат США. Прославилась своим активным противостоянием маккартизму. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Пес никак не отреагировал на дружелюбие в голосе Грегга и продолжал злобно приближаться, ничуть не скрывая, что хотел бы полакомиться заезжим коммивояжером. Грег быстро забрался в машину, захлопнул дверцу и дважды нажал на клаксон. По лицу градом лил пот, на белом льняном пиджаке, под мышками, проступили темно-серые круги, а на спине расплзлось пятно, похожее на дерево с ветвистой кроной. Грег еще раз нажал на клаксон, но никто не вышел. Эти деревенские недотепы наверняка погрузились в пикап «интернэшнл харвестр» или «студебекер» и укатили в город.

Грег улыбнулся.

Но вместо того чтобы включить заднюю передачу и уехать, он пошарил рукой сзади и вытащил обычный ручной опрыскиватель, только запрограммированный не инсектицидом, а аммиаком.

Оттянув поршень, Грег снова вышел из машины. Собака, уже присевшая на задние лапы, моментально вскочила и стала приближаться, угрожающе рыча.

Грег улыбнулся.

– Все в порядке, дворняжка, – произнес он все тем же низким и заволакивающим голосом. – Подходи, не бойся!

Грег ненавидел отвратительных сельских псов, которые вели себя на крошечных пятках земли перед домом так нагло и спесиво. К тому же по собакам всегда можно судить о хозяевах.

– Проклятые тупицы! – тихо воскликнул он, продолжая улыбаться. – Ну же, песик, подходи!

Пес подскочил и присел на задние лапы, готовясь к прыжку. Из коровника слышалось мычание, и стебли кукурузы тихо зашелестели от дуновения ветра. Пес прыгнул, и лицо Грегга стало жестоким. Нажав на поршень, он выпустил облако аммиака прямо в глаза и нос животного.

Злобный лай сменился коротким визгом; собака заскулила от боли, едва аммиак начал разъедать глаза. Пес поджал хвост, моментально превратившись из злой сторожевой собаки в усмирленную дворняжку.

Лицо Грегга Стильсона потемнело, глаза теперь напоминали узкие щелки. Шагнув вперед, он с размаху нанес удар ногой собаке в бок. Та протяжно взвизгнула, но, вместо того чтобы покинуть поле боя, убравшись за коровник, от страха и боли бросилась на мучителя, чем подписала себе смертный приговор.

Рыча, она слепо рванулась вперед и, вцепившись в правую льняную брючину, порвала ее.

– *Ах ты, сукин сын!* – Грегг взревел от ярости и снова ударил собаку ногой, на этот раз с такой силой, что та покатилась кубарем. Он подскочил к псу и нанес еще один удар, не переставая осыпать его проклятиями. Только теперь собака, со слезящимися глазами, с мучительной болью в носу, с одним сломанным, а другим треснувшим ребром, почуяла наконец опасность, исходящую от этого безумца, но было слишком поздно.

Задышавшись и крича, взмокший от пота Грегг Стильсон гонял собаку по пыльному двору. Он пинал ее ногами до тех пор, пока она, скуля, не зарылась в пыль. Истекавший кровью пес умирал.

– Нечего было кусаться! – шипел Грегг. – Слышишь? Слышишь? Нечего было кусаться, проклятая псина! Нельзя стоять у меня на пути! Слышишь? Нельзя никому!

Он с размаху нанес еще один удар заляпанным кровью носком ботинка, но собака лишь захрипела в ответ. Голова Грегга раскалывалась.

Это все солнце! Гоняться за собакой на солнцепеке! Как бы самого не хватил удар!

Он закрыл на мгновение глаза, стараясь отдышаться. Капли пота блестели в ежике волос и стекали по лицу, как слезы. У ног испускала дух избитая собака. В темноте под опущенными веками Грегга прыгали разноцветные пятна, а сердце неистово билось.

Голова разламывалась.

Иногда Грег спрашивал себя, уж не сходит ли он с ума. Как сейчас, например. Ведь он собирался лишь отогнать собаку в коровник опрыскивателем, чтобы спокойно оставить визитку под входной дверью. Потом он вернулся бы и продал книги. А что теперь? Какое-то кровавое месиво. И как теперь оставить визитку?

Грег открыл глаза. Собака хрипло и часто дышала, из носа сочилась кровь. Заметив, что мужчина опустил на него глаза, пес покорно лизнул носок ботинка, будто признавая себя побежденным, и погрузился в забытие.

– Не надо было рвать брюки! – обратился к собаке Грег. – Они обошлись мне в пять долларов, шелудивая тварь.

Пора уносить ноги. Ему не поздоровится, если этот деревенский олух с женой и шестью детьми вернутся из города на «студебекере» и увидят своего издыхающего пса у ног незваного коммивояжера. Он потеряет работу. Компании «Американский праведный путь» не нужны коммивояжеры, убивающие собак христиан.

С нервным смешком Грег сел в машину и быстро дал задний ход. Добравшись до дороги, разрезавшей кукурузное поле ровной линией, он устремился на восток и вскоре мчался со скоростью шестьдесят пять миль в час, оставляя за собой длинный шлейф пыли.

Терять работу отнюдь не входило в его планы. По крайней мере сейчас. Он неплохо зарабатывал: помимо уловок, отлично известных компании «Американский праведный путь», Грег разработал несколько своих, о которых не знал никто. Ему было грех жаловаться. Постоянные разъезды, связанные со сменой обстановки, новые знакомства, много... девчонок. Казалось, жизнь удалась, правда...

Правда, этого ему было мало.

Он продолжал путь; голова разламывалась. Да, этого ему было мало. Грег чувствовал, что родился для большего, чем разъезжать по Среднему Западу, торговать библиями и подделывать накладные ради пары лишних долларов в день. Он чувствовал, что родился для... для...

Для величия!

Да, именно для этого! Несколько недель назад Грег затащил на сеновал девчонку. Ее родители уехали в Давенпорт, набив машину цыплятами для продажи, и она сначала предложила ему стакан лимонада, а потом пошло-поехало. Когда все кончилось, девчонка заявила, будто в сексе он ничем не отличается от проповедника, и тогда Грег залепил ей пощечину. Почему – и сам не знал. Просто дал пощечину и уехал.

Вообще-то не совсем так.

Он ударил ее три или четыре раза. И остановился, только когда она начала кричать и звать на помощь. Каким-то образом ему все же удалось помириться с ней, для чего Грег пустил в ход все обаяние, каким наградил его Господь. Тогда голова тоже разболелась, а перед глазами запрыгали разноцветные точки, и он решил, что это из-за невыносимой жары на сеновале. Однако причиной головной боли была не только жара. Грег почувствовал то же самое и на пяточке перед домом, когда собака разорвала его брюки: им овладело нечто темное и безумное.

– Я не псих! – громко произнес он и, опустив стекло, вдохнул полной грудью раскаленный летний воздух, пахнувший пылью, кукурузой и навозом. Включив радио, Грег поймал песню в исполнении Пэтти Пейдж. Головная боль немного стихла.

Главное – уметь держать себя в руках и не подмочить репутации. Тогда ему никто не страшен. И он постоянно совершенствовался в этом. Ему уже не снился так часто отец в сдвинутой на затылок шляпе и ревевший:

– Ты – мерзкий и ни на что не годный подонок и сопляк!

Ему это снилось все реже, потому что перестало быть правдой. Грег уже не сопляк. В детстве он действительно часто болел и был хилым, но теперь вырос, окреп и заботился о матери...

А отец умер и ничего этого не видел. Грег не мог заставить его отказаться от своих слов, потому что тот погиб при взрыве на нефтяной вышке. Но ему ужасно хотелось откопать отца и, вытащив из могилы, высказать в обезображенное лицо все, что накопело, а потом наподдать так... как тому псу!

Голова снова заболела, но уже не так сильно.

– Я не псих! – снова громко повторил он, но его слова заглушала музыка. Мать всегда говорила, что Грег родился для чего-то большого, великого, и он искренне верил этому. Нужно просто постоянно держать себя в руках, не совершать проколов – вроде пощечин девушке или избиения собаки – и дорожить репутацией.

В чем именно заключается его величие, он узнает, когда пробьет час. В этом Грег не сомневался.

Он снова вспомнил о собаке; на этот раз с равнодушной улыбкой, без насмешки и сострадания.

Впереди его ожидало величие. До него еще далеко: конечно, сейчас Грег слишком молод, но в этом нет ничего плохого, если понимать, что все придет со временем. И верить, что рано или поздно мечта осуществится. А он верил в это.

И да помилуй Господь и сынок его Иисус всех, кто окажется у него на пути!

Грег Стилсон выставил в окно загорелый локоть и начал насвистывать песню, звучавшую по радио. Нажав на газ, он увеличил скорость до семидесяти миль в час, и старенький «меркьюри» помчался по прямому как стрела проселку в штате Айова к тому будущему, которое ждало Грега впереди.

Часть I

«Колесо фортуны»

Глава первая

1

Тот вечер запомнился Саре маской и необычайным везением Джона на «Колесе фортуны». Однако впоследствии, в те редкие дни, когда ей удавалось вернуться к событиям той ужасной ночи, она обычно вспоминала только маску.

Джонни жил в многоквартирном доме на Кливс-Миллс. Сара приехала без четверти восемь, поставила машину за углом и позвонила в дверь подъезда. Они решили, что поедут на ее машине, потому что свою он отогнал в Хэмпден, чтобы отремонтировать в мастерской Тиббетса: вышел из строя подшипник колеса или что-то в этом роде. Джон сказал ей по телефону, что ремонт обойдется дорого, и тут же засмеялся таким знакомым смехом. Сара заливалась бы слезами, коснись это ее машины или *кошелька*.

Она прошла через вестибюль к лестнице мимо доски объявлений. Обычно та была вся утыкана рекламой мотоциклов, стереосистем и машинописных работ, просьбами подвезти в Канзас или Калифорнию, поисками попутчиков для поездки во Флориду, чтобы меняться за рулем и оплатить бензин в складчину. Но сегодня основную часть доски занимал большой плакат с надписью «Забастовка!». На нем был изображен сжатый кулак на багровом фоне, символизовавшем пламя. Стоял конец октября 1970 года.

Джонни жил на втором этаже, и окна его квартиры, которую он шутливо называл «пентхаусом», выходили на улицу. Возле них можно было стоять в смокинге – совсем как Рамон Наварро³! – держать в руке пузатый бокал с десертным вином и наблюдать за бурлящей внизу жизнью городка – снующими такси, переливающимися неоновыми рекламами и жителями, расходившимися по домам после спектаклей и фильмов. В городе насчитывалось почти семь тысяч этажей, и это был один из них.

По сути, Кливс-Миллс представлял собой главную улицу с единственным светофором на перекрестке, переключавшимся на мигающий желтый после шести вечера, парой дюжин магазинов и маленькой фабрикой по пошиву мокасин. Как и в большинстве других городков, окружавших Ороно, где располагался Университет штата Мэн, основным источником доходов в Кливс-Миллс являлись студенты, которым было нужно пиво, вино, бензин, рок-н-ролл, закусовые, наркотики, бакалея, жилье и кинотеатры. Кинотеатр назывался «Тень», и во время учебы там крутили некоммерческие фильмы и ностальгические ленты сороковых годов. Летом же репертуар составляли снятые в Европе вестерны с Клинтом Иствудом в главной роли.

Джонни и Сара окончили университет год назад, и оба преподавали в старшей школе Кливс-Миллс – одной из немногих еще не структурированных в окружную систему образования. Студенты, преподаватели и сотрудники администрации университета снимали в Кливс-Миллс – одной из немногих еще не структурированных в окружную систему образования. Студенты, преподаватели и сотрудники администрации университета снимали в Кливс-Миллс – одной из немногих еще не структурированных в окружную систему образования. Студенты, преподаватели и сотрудники администрации университета снимали в Кливс-Миллс – одной из немногих еще не структурированных в окружную систему образования.

³ Рамон Наварро (1899–1968) – романтический идол Голливуда, снимался до начала 30-х гг. XX в.

налоговых долларов, ежегодно стекавшихся в казну за уютные профессорские особнячки и многоквартирные дома, располагавшиеся в районе, который одни студенты называли «Голубым раем», а другие – «Бесстыжим кварталом».

Сара постучала в дверь, и Джонни ответил странно приглушенным голосом:

– Входи, Сара, открыто!

Слегка нахмурившись, она толкнула дверь. В квартире было совсем темно, если не считать чуть заметных отблесков от светофора, мигающего желтым чуть выше по улице. Мебель отбрасывала на стены черные тени.

– Джонни?

Решив, что перегорели пробки, Сара сделала осторожный шаг, и из темноты, прямо перед ней, вдруг возникло жуткое лицо из ночного кошмара. Оно светилось каким-то потусторонним зеленым светом. Один широко открытый глаз смотрел на нее со страхом и болью, второй, прищуренный, пялился плотоядно и зловеще. Левая половина лица – та, что с открытым глазом, – с виду казалась нормальной, зато другая, перекошенная, не походила на человека: из-под толстых губ торчали кривые зубы, и они тоже светились.

Испуганно вскрикнув, Сара отшатнулась. Но тут включился свет, и она поняла, что находится в квартире Джонни, а не в загробном каземате: на стене фотомонтаж с Никсоном, торгующим автомобилями, на полу – плетеный коврик, сделанный матерью Джонни, и пустые бутылки, превращенные в подсвечники. Лицо перестало светиться, и Сара догадалась, что это дешевая маска на Хэллоуин. В открытой глазнице блеснул голубой глаз Джонни.

Он стянул маску и весело улыбнулся:

– С Днем всех святых, Сара!

Ее сердце бешено колотилось. Джонни не на шутку напугал ее.

– Очень смешно!

Она повернулась к двери. Ей не нравилось, когда ее так пугали.

Джонни остановил Сару.

– Извини. Я не хотел напугать тебя.

– Думать надо! – Сара смирив его холодным взглядом, но злость уже проходила. Дело в том, что она не могла долго сердиться на Джонни. Сара не знала, любит ли Джонни, но не могла долго таить на него обиду или злиться. Сама мысль, что кому-то удавалось долго дуться на Джонни, показалась ей такой нелепой, что Сара невольно улыбнулась.

– Вот и славно! А то я уж решил, что ты собираешься меня бросить, приятель.

– Я – не приятель!

Он окинул ее взглядом.

– Я заметил это.

Джонни имел в виду ее просторную меховую шубку из искусственного енота или чего-то столь же сомнительного, и его простодушная откровенность снова вызвала у нее улыбку:

– В таком наряде не видно.

– А мне еще как видно!

Джонни обнял и поцеловал Сару. Сначала она не хотела отвечать на поцелуй, но, конечно же, ответила.

– Извини, что напугал тебя. – Он шутливо потерся носом о ее нос и, отпустив, взял маску. – Я подумал, тебе понравится. Хочу появиться в ней в пятницу в школе.

– Джонни, ты же сам провоцируешь нарушение дисциплины.

– Как-нибудь справлюсь. – Он усмехнулся. – И, черт возьми, не без оснований!

Сара каждый день приходила в школу, нацепив большие «учительские» очки и стянув сзади волосы в такой тугий пучок, что они, казалось, пищали от боли. В разгар лета она носила юбки почти до колен, тогда как у большинства учениц они едва прикрывали трусики. Сару это возмущало, ведь ее ноги были куда красивее. Она рассаживала учеников в алфавитном

порядке, что – хотя бы по закону больших чисел – должно было развести главных смутьянов в разные стороны, и решительно отправляла нарушителей порядка к заместителю директора. Сара справедливо полагала, что тот должен отрабатывать пятьсот долларов в год, которые ему в отличие от нее приплачивают за «воспитательную» работу. Ее работа в школе была постоянной борьбой за дисциплину против сущего бича всех учителей-первогодков, именуемого Хулиганством. Особенно тревожил Сару своеобразный «суд присяжных» – общественное мнение учащихся, оценивавших всех новых учителей. В отношении ее они вынесли не слишком лестный «вердикт».

Джонни, казалось, не имел ни одного из тех свойств, которыми должен обладать хороший учитель. Он постоянно витал в облаках и неторопливо перемещался из класса в класс, часто опаздывая на урок из-за того, что с кем-то заболтался на перемене. Он позволял ребятам сидеть, кому с кем хочется, поэтому запомнить, кто где расположился, было невозможно, и хулиганы неизбежно группировались на задних рядах. Соверши такую оплошность Сара, она выучила бы имена учеников только к марту, а Джонни знал их назубок.

Он был высоким и немного сутулился, за что получил прозвище Франкенштейн. Джонни это не обижало, скорее, даже забавляло. Но почему-то на его уроках царили тишина и порядок, почти никто не прогуливал, а у Сары ученики постоянно сбегали с урока! «Суд присяжных», похоже, склонялся в пользу Джонни.

Еще десять лет, и ученики признают его лучшим учителем года! А вот Сару такая перспектива точно не ожидала, и она часто злилась, не понимая, почему это так.

– Хочешь пива на дорожку? Или вина? Или еще чего?

– Нет, но надеюсь, ты при деньгах. – Она взяла его за руку, решив простить. – Я всегда ем три горячие сосиски. И уж тем более на последней в году ярмарке округа.

Они собирались в Эсти – городок в двадцати милях к северу от Кливс-Миллс. Единственной, да и то сомнительной, претензией Эсти на значимость было проведение «Абсолютно последней фермерской ярмарки года в Новой Англии». Ярмарка закрывалась в пятницу, в День всех святых.

– Поскольку получка была в пятницу, с деньгами у меня совсем неплохо. Есть целых восемь долларов.

– Боже мой! – Сара закатила глаза. – Я всегда знала, что, сохранив целомудрие, обязательно встречу богатенького папика!

Джонни кивнул:

– Да, малышка, мы, сутенеры, просто купаемся в деньгах! Сейчас захвачу пальто и поедем.

Сара вдруг ощутила необычайную нежность и снова услышала внутренний голос, звучавший в последнее время все чаще и чаще: и в душе, и во время чтения, и при подготовке к урокам, и за одинокой трапезой. Этот голос походил на тридцатисекундные социальные ролики по телевизору:

Он отличный парень и все такое, с ним легко, весело, и он никогда не заставит тебя плакать. А что такое любовь? Может, она сводится именно к этому? Даже участь ездить на двухколесном велосипеде, человек обязательно падает и сбивает коленки. Это своего рода «переходный обряд». Так уж устроен мир.

– Иду в ванную, – сообщил Джонни.

– Давай. – Сара улыбнулась. Джонни из тех, кто всегда сообщает о своих естественных надобностях. Бог весть почему.

Она подошла к окну и выглянула на Мейн-стрит. На парковке возле закусочной О'Майка собирались ребяташки. Саре вдруг захотелось оказаться среди них и стать маленькой девочкой, чтобы мучившие ее проблемы остались в прошлом или, наоборот, перенеслись в далекое будущее. В университете все было просто и понятно. Там даже преподаватели жили в неведо-

мой Нетландии, где могли оставаться вечно юными членами команды Питера Пэна и никогда не взрослеть. А Никсон, или Агню⁴, на роль Капитана Крюка⁵ всегда найдется.

Сара познакомилась с Джонни только в сентябре, когда они начали преподавать в одной школе, но знала его в лицо еще по лекциям в университете. Они посещали их вместе, и там Сару приняли в тайное студенческое братство «Дельта-Тау-Дельта». Джонни был полной противоположностью Дэну. Тот, очень красивый, язвительно остроумный и непоседливый, отчего Саре всегда становилось немного не по себе, много пил и проявлял безудержную страсть в постели. Иногда, выпив, Дэн становился злым и жестоким. Она никогда не забудет того памятного вечера в бангорском ресторане «Латунные перила». Мужчина за соседним столиком подшутил над чем-то, сказанным Дэном о футбольной команде университета, и Дэн осведомился, не желает ли тот отправиться домой со свернутой шеей. Мужчина, на вид лет сорока, извинился, но Дэн не успокоился. Напрашиваясь на драку, он начал отпускать колкости по поводу спутницы мужчины. Сара взяла Дэна за руку и попросила уняться. Он стряхнул ее руку, и в его серых глазах появилась странная пустота, отчего слова у Сары застряли в горле. Потом Дэн вышел на улицу с женщиной и страшно избил его. Он бил его до тех пор, пока тот не начал кричать. Сара никогда раньше не слышала, как кричат от боли мужчины. Это было ужасно. Им пришлось быстро уехать, потому что бармен, увидев, что происходит, вызвал полицию. Она точно отправилась бы домой одна.

Правда? Ты уверена? – ехидно поинтересовался внутренний голос, но до студенческого городка было не меньше двенадцати миль, автобусы после шести уже не ходили, а добираться на попутке Сара побоялась.

По дороге Дэн не произнес ни слова. На щеке у него была царапина. Всего одна. Добравшись до общежития, Сара заявила Дэну, что больше не хочет его видеть.

– Как скажешь, малышка, – отозвался он с равнодушием, которое задело ее. Однако после его второго телефонного звонка Сара согласилась встретиться с ним, хоть и ненавидела себя за это.

Они продолжали встречаться весь осенний семестр последнего курса. Дэн пугал ее и чем-то необъяснимо притягивал. Он был ее первым и единственным настоящим любовником, и ничего не изменилось даже сейчас, накануне Дня всех святых 1970 года.

Сара и Джон ни разу не занимались любовью.

Дэн был очень хорош в постели. Он пользовался ею, но все равно был хорош. Дэн никогда не предохранялся, поэтому Саре пришлось отправиться в университетский медпункт. Там, краснея и заикаясь, она пожаловалась на болезненные месячные и получила противозачаточные таблетки. В постели Дэн думал только о себе. Она никогда не испытала бы оргазма, если бы не грубая ненасытность Дэна. За несколько недель до расставания с ним Сара начала ощущать, что ей, как зрелой женщине, нужен здоровый секс. Это чувство странно соединялось с другими: она не принимала ни себя, ни Дэна, понимала, что секс, основанный на унижении и подавлении, не может быть хорошим, не уважала себя за то, что не способна прекратить столь сомнительные отношения.

Конец наступил быстро в начале этого года, когда Дэн решил уйти из университета.

– Какие планы на будущее? – робко спросила Сара, сидя на кровати его соседа по комнате и наблюдая, как он укладывает вещи в два чемодана. Ей хотелось задать и более личные вопросы. Например, устроится ли Дэн где-нибудь неподалеку? Станет ли искать работу? Продолжит ли учебу на вечерних курсах? Собирается ли поддерживать отношения с ней? Задать

⁴ Спиро Агню (1918–1996) – 39-й вице-президент США. Ушел в отставку в 1973 г. после скандала, связанного с получением им взятки и уклонением от налогов.

⁵ Капитан Крюк – персонаж книги Дж. Барри «Питер Пэн». Антигерой, капитан пиратов с острова Нетинебудет, противник Питера Пэна.

последний вопрос казалось особенно трудно, потому что она не была готова ни к какому ответу. Но ответ на невинный вопрос Сары шокировал ее.

– Наверное, Вьетнам.

– *Что?!*

Дэн покопался на полке в бумагах и бросил ей конверт. Повестка из призывного пункта в Бангоре предписывала ему явиться на медкомиссию.

– А отказаться нельзя?

– Нет. Не знаю. Может быть. – Он закурил сигарету. – Но я и пытаться не буду.

Она смотрела на него с изумлением.

– Мне здесь все осточертело. Колледж, потом работа, семья. Ты, наверное, предполагала выйти за меня замуж. Не думай, что я не размышлял об этом. Но у нас ничего не получится. Ты это знаешь, и я тоже. Мы не подходим друг другу, Сара.

Она выскочила из комнаты, разом получив ответы на все свои вопросы, и больше Дэна не видела. Несколько раз Сара встречалась с его соседом по комнате в общежитии. Между январем и июнем он получил от Дэна три письма. Его призвали и отправили в какой-то тренировочный центр. Больше никаких вестей сосед от Дэна не получал. И Сара Брэкнелл тоже.

Сначала она думала, что переживет расставание легко. Все эти печальные и романтические сентиментальные песни, звучавшие по радио после полуночи, не пробуждали в ней никаких чувств. Сара не плакала, и у нее не было тяжелых переживаний, которые обычно связывают с разрывом. Она не подцепила другого парня, чтобы развеяться, не стала ходить по барам. Большую часть вечеров той весны Сара проводила у себя в комнате – в общежитии. Она чувствовала себя нормально и испытывала облегчение.

Только познакомившись с Джонни, Сара поняла, каким кошмаром был ее последний семестр. Это случилось на вечеринке, устроенной в школе для учеников-новобранцев, где она и Джонни случайно оказались в числе учителей, присматривающих за порядком.

Подобного не замечаешь до тех пор, пока не знаешь другой жизни. Они походили на двух осликов, внезапно столкнувшихся на вокзале где-то на западе. Один всю жизнь прожил в городе и не носил на спине ничего, кроме седла. Второй принадлежал рудокопу. Он был нагружен снаряжением для лагеря, для приготовления пищи и четырьмя мешками с образцами породы весом в пятьдесят фунтов каждый. Спина прогнулась от постоянной нагрузки, но на вопрос городского ослика: «Как ты таскаешь такую тяжесть?» – второй ответил: «Какую тяжесть?»

Оглядываясь назад, Сара поражалась тогдашнему ощущению пустоты. Те пять месяцев у нее было что-то похожее на дыхание Чейна-Стокса, характерное для больных в состоянии комы. Или даже восемь месяцев, если считать это лето, когда она сняла маленькую квартирку на Флэгг-стрит в Визи, штат Мэн, и ничего не делала – только искала работу учителя и читала беллетристику. Она вставала, завтракала, ходила на занятия или запланированные собеседования, возвращалась домой, обедала, ложилась отдохнуть – причем иногда послеобеденный сон затягивался на целых четыре часа! – потом снова ела, читала до половины двенадцатого, смотрела ток-шоу Дика Каветта, пока глаза не начинали слипаться, и засыпала до утра. Казалось, она вообще ни о чем не *думала*. Жизнь превратилась в рутину. Иногда Сара ощущала в паху что-то ноющее, называемое в романах *неосуществленным желанием*, и тогда принимала холодный душ или подмывалась. Вскоре эти процедуры стали болезненными, но при этом доставляли ей какое-то горькое и непонятное удовлетворение.

Порой Сара даже гордилась, что так стойко все переносит. О Дэне почти не вспоминала.

Что за Дэн? Ха-ха! Только потом она поняла, что за эти восемь месяцев вообще не думала ни о чем и ни о ком, но тогда не осознавала этого. Эти восемь месяцев страну сотрясали волнения, но Сара не замечала их. Марши, полицейские в касках, нападки на прессу Спиро Агню, расстрел в Кентском университете, беспокойные летние месяцы, когда на улицах бесчинство-

вали агрессивные радикалы, – все это казалось не более чем очередным сюжетом для обсуждения на ночном телешоу. Сара была довольна собой – тем, как легко и спокойно переносит расставание с Дэном, как налаживается ее жизнь, тем, как все замечательно.

Какая тяжесть?

Начав преподавать в старшей школе Кливс-Миллс, Сара испытала душевный подъем, впервые – после шестнадцати лет непрерывной учебы – перестав быть ученицей. И познакомилась на той вечеринке с Джонни Смитом – вот уж никогда не думала, что на свете действительно встречаются люди с таким именем и фамилией! Сара вдруг ощутила себя женщиной, перехватив его заинтересованный взгляд – не бесстыдный и наглый, а по достоинству оценивший, как привлекательна она в светло-сером вязаном платье.

Он пригласил ее в кино на «Гражданина Кейна», и она согласилась. Они хорошо провели время, но все же Сара решила, что он «не фонтан». Хотя ей и понравился его скромный прощальный поцелуй, но на кинозвезду и секс-символ типа Эррола Флинна он явно не тянул. Джонни мастерски рассказывал забавные истории и веселил Сару, однако она заподозрила, что он мечтает стать комиком вроде Генри Янгмэна, когда станет взрослым мужчиной.

Позже тем же вечером, сидя в своей спальне и наблюдая за перипетиями в фильме, где Бетт Дэвис играла какую-то стерву-карьеристку, Сара вновь вернулась к этим мыслям. Поразившись своей несправедливости, она замерла, так и не откусив от яблока.

Внутренний голос, которого Сара не слышала почти год – не голос совести, а тот самый, из прошлой жизни, – вдруг снова напомнил о себе: *Ты хочешь сказать, что на Дэна он совсем не похож. Ведь так?*

Нет! – заверила она себя. *Я больше не думаю о Дэне! Его... давно уже нет!*

Как бы не так! – возразил голос. *Дэн ушел только вчера.*

И тут до нее дошло, что она вовсе не случайно сидела одна у телевизора и смотрела совсем не интересный ей фильм, неосознанно стараясь занять себя чем угодно, лишь бы не думать, ибо думать Сара могла только о себе и о своей потерянной любви.

Это открытие так потрясло ее, что она не сдержала слез.

Сара встретила с Джонни, когда он пригласил ее на второе, а потом и на третье свидание, и это открыло ей, во что она превратилась. Сара вдруг поняла, что эти свидания для нее – совсем необычны. Сару, красивую и умную девушку, не раз приглашали встретиться после ее разрыва с Дэном, но все свидания ограничились невинными походами в закусочную с соседом Дэна по комнате. Сара с горечью призналась себе, что преследовала при этом лишь одну цель – вызвать у бедного парня что-то про Дэна.

Какая тяжесть?

После окончания университета большинство подруг по колледжу разъехались кто куда. Вопреки воле своих богатых родителей, вращавшихся в высших кругах бангорского общества, Бетти Хэкман отправилась в Африку по линии Корпуса мира, и Сара часто размышляла о том, как угандийцы воспринимают Бетти с ее удивительно белой и не поддающейся загару кожей, пепельно-белыми волосами и утонченной красотой. Дини Стаббс переехала в Хьюстон, где училась в аспирантуре. Рэчел Юргенс вышла замуж и теперь вынашивала ребенка где-то на просторах западного Массачусетса.

Сара нехотя призналась себе, что Джонни Смит – первый друг, появившийся в ее жизни за долгое-долгое время. А ведь при окончании школы ее признали «Мисс Популярность» класса! Пару раз Сара ходила на свидания с другими учителями. Так, для разнообразия. Новый учитель математики Джин Седекки оказался занудой со стажем, а Джордж Раундс сразу попытался затащить ее в постель. Она влепила ему пощечину, а на следующий день он имел наглость подмигнуть ей, когда они случайно столкнулись в коридоре школы.

С Джонни же было легко и весело. И он нравился ей, в частности, и в сексуальном плане, но насколько сильно, Сара не знала. По крайней мере пока. В прошлую пятницу они вместе

ездили на октябрьскую конференцию учителей в Уотервилле, а потом он пригласил Сару к себе на домашнее спагетти. Пока готовился соус, Джонни сбегал в магазин и вернулся с двумя бутылками крепленого ягодного вина. На Джонни, сообщавшего всем, что идет в ванную, это было очень похоже: его отличала удивительная непосредственность.

После ужина они смотрели телевизор и обнимались. Бог знает, чем бы это закончилось, не приди к нему неожиданно пара приятелей из университета с петицией факультета о свободе преподавания. Они просили Джонни посмотреть ее и высказать мнение. Он выполнил просьбу, хотя и не так охотно, как обычно. Заметив это, Сара втайне порадовалась. В паху у нее сладко заняло, и она с удовольствием констатировала появление *неосуществленного* желания, и в тот вечер под холодный душ не встала.

Сара отвернулась от окна и подошла к дивану, на который Джонни бросил маску.

– С Днем всех святых! – хмыкнула она.

– Что? – переспросил Джонни из ванной.

– Я сказала, что уеду одна, если ты не поторопишься.

– Выхожу.

– Давай!

Сара провела пальцем по маске, левая сторона которой изображала доброго доктора Джекила, а свирепая правая – жестокого Хайда. Интересно, как далеко зайдут их отношения ко Дню благодарения? Или к Рождеству?

От этой мысли Сару охватило приятное возбуждение. Джонни, совершенно нормальный и славный парень, нравился ей.

Сара снова бросила взгляд на маску: жуткая гримаса Хайда словно вырастала из приятного лица Джекила, как раковая опухоль. Нанесенная сверху флуоресцентная краска светилась в темноте.

А что такое «нормальный»? Ничем не примечательный и в общем-то никакой! Хотя нет – будь он таким «нормальным», разве ему пришлось бы в голову надеть эту маску в классе и рассчитывать, что там сохранится порядок? Как ребята могут называть его Франкенштейном и при этом уважать и любить? И что такое «нормальный»?

Если он захочет провести со мной ночь, я, наверное, соглашусь.

При этой мысли на душе у Сары потеплело, будто она вспомнила о доме.

– Чему ты улыбаешься?

– Ничему. – Она бросила маску на диван.

– Нет, правда... Чему-то приятному?

– *Джонни!* – Сара положила руки ему на грудь и встала на цыпочки, чтобы поцеловать.

– *Есть вещи, о которых не говорят. Поехали!*

2

Они задержались в вестибюле, пока Джонни застегивал куртку, и взгляд Сары снова скользнул по плакату «Забастовка!» со сжатым кулаком на пылающем фоне.

– В этом году студенты снова выйдут протестовать, – пояснил он, проследив за ее взглядом.

– Из-за войны?

– На этот раз не только. Вьетнам, призыв резервистов и расстрел в Кентском университете всколыхнули многих. Сомневаюсь, что когда-нибудь раньше в аудиториях сидело так мало тихонь.

– Это ты о ком?

– О тех, кто думает только об учебе, кому наплевать на систему, лишь бы она обеспечила им годовой доход в десять тысяч долларов. О тех, кому ни до чего нет дела и кого волнует

только собственная шкура. Но их времена прошли. Люди проснулись. И грядут большие перемены!

– Тебе это так важно? Даже после диплома?

Он выпрямился и расправил плечи.

– Мадам, я – Смит, выпускник Университета Мэна 70-го года. Плоть от плоти старого Мэна.

Сара улыбнулась:

– Ладно, пошли. Я хочу покататься на аттракционах, пока их еще не закрыли.

– Отлично! – Он взял ее за руку. – У меня как раз за углом припаркована твоя машина.

– И еще у тебя восемь долларов! Нас ждет чудесный вечер.

Несмотря на затянутое облаками небо, дождя не было, и для конца октября погода стояла довольно теплая. Сквозь облака пробивался месяц. Джонни обнял Сару за плечо, и она прильнула к нему.

– Знаешь, Сара, я постоянно думаю о тебе, – вдруг произнес он, как бы между прочим. Но именно «как бы». Ее сердце замерло, а потом сильно забилось.

– Правда?

– Наверное, этот Дэн причинил тебе много боли, верно?

– Не знаю, – призналась она.

Мигавший желтым светофор в квартале за ними отбрасывал на тротуар длинные тени.

Джонни, казалось, размышлял над ее ответом.

– Я бы не хотел причинить тебе боль.

– Знаю. Но, Джонни... пусть пройдет время.

– Да, – согласился он. – Время. Надеюсь, оно у нас есть.

Потом Сара не раз вспоминала эту фразу, но еще чаще она звучала в ее снах, уже пронизанная невыразимой болью и чувством потери.

Они обогнули угол, и Джонни подержал дверцу, пока Сара усаживалась. Затем обошел машину и сел за руль.

– Замерзла?

– Нет, вечер сегодня теплый.

– Это верно, – сказал он, и машина тронулась.

Ее мысли вернулись к нелепой маске. Глаз Джонни в большой глазнице удивленной половины лица доктора Джекила.

– *Послушай, вчера я изобрел отличный коктейль, но вряд ли его станут подавать в барах.*

С этой половиной маски все было в порядке, потому что за ней угадывался Джонни. Но половина Хайда внушала Саре непреодолимый ужас. За щелкой глаза мог скрываться кто угодно. Даже Дэн.

К тому времени, когда они добрались до ярмарки, там, в темноте, переливались мигающие светом гирлянды, и длинные неоновые спицы «чертова колеса» взмывали вверх и опускались вниз. Сара уже не думала о маске. Она приехала со своим парнем, и впереди их ждал чудесный вечер.

3

Они прошли по центральной аллее, держась за руки и почти не разговаривая, и Сара снова почувствовала себя маленькой девочкой, которую привезли на ярмарку. Она выросла в Саут-Пэрисе, небольшом городке с бумажным комбинатом, и самая крупная ярмарка округа устраивалась во Фрайбурге. Для Джонни, чье детство прошло в Паунале, таким местом, наверное, был Топшем. Но все эти ярмарки походили одна на другую и с годами почти не менялись.

Паркуешь машину на грязной стоянке, платишь два доллара при входе и, оказавшись внутри, уже чувствуешь запах горячих сосисок, жареного лука и перца, бекона, «сахарной ваты», опилок и сладковатый аромат конского навоза. Слышишь металлический лязг цепной передачи на детских американских горках, прозванных «Полевая мышь», глухие хлопки выстрелов в тире. Из динамиков, расставленных по кругу в большой палатке, доносится металлический голос ведущего, который выкрикивает номера игрокам в бинго, сидящим за длинными столами на складных стульях, позаимствованных в местном похоронном бюро. Рев рок-н-ролла сливается с органом. Зазывалы уговаривают всех не пожалеть двадцати пяти центов на два выстрела и при попадании выиграть приз – набитую опилками собачку. Все здесь как раньше, в детстве, и ты снова превращаешься в охваченного азартом ребенка, которого так легко завлечь и одурачить.

– Сюда! – Сара остановилась. – Вот этот аттракцион! Хочу на «Хлыст»!

– Как скажешь, – согласился Джонни и протянул кассирше в будке доллар. Та, почти не отрывая глаз от журнала, занимавшего все ее внимание, сунула ему два красных билета и двадцать центов сдачи.

– Что значит «как скажешь»? Что еще за тон?

Он пожал плечами, изображая невинность.

– Дело не в том, что ты сказал, Джон Смит, а как ты это сказал.

Аттракцион остановился, и пассажиры потянулись мимо них. В основном это были подростки в голубых армейских рубашках из тяжелого сукна или в расстегнутых куртках-алаяках. Джонни провел ее по деревянному помосту и вручил билеты служителю, похожему на самое скучающее разумное существо во вселенной.

– Просто дело в том, – объяснил он, пока служитель усаживал их в кабинке и застегивал ремни безопасности, – что эти кабинки вращаются. Верно?

– Верно.

– И закреплены на платформе, которая раскручивается, так?

– Так.

– И когда платформа раскрутится, то кабинки своим вращением создают перегрузки, лишь немногим уступающие тем, что испытывают астронавты при взлете с мыса Кеннеди. И у меня был один знакомый...

Джонни наклонился к ней с самым серьезным видом.

– Опять выдумываешь? – неуверенно осведомилась Сара.

– Так вот, в пять лет он упал со ступенек на крыльце, и у него на шейном позвонке образовалась тонюсенькая трещинка. А через десять лет он пошел прокатиться на «Хлысте», на ярмарке в Топшеме, и... – Джонни пожал плечами и сочувственно похлопал ее по руке. – Но может, все и обойдется, Сара.

– Ой! Я хочу вый...

В это время платформа тронулась и начала крутиться все быстрее и быстрее, пока ярмарка и центральная аллея не превратились в наклонное смазанное пятно из огней и лиц. Сара засмеялась, завизжала и начала колотить Джонни.

– Тонюсенькая трещинка! – кричала она. – Я устрою тебе тонюсенькие трещинки, когда выйдем, врун несчастный!

– Чувствуешь что-нибудь в шейном позвонке? – участливо поинтересовался он.

– Врун несчастный!

Они вертелись все быстрее и быстрее, и на десятом или пятнадцатом круге платформы он наклонился и поцеловал ее. Кабинка в этот момент тоже сделала оборот, с силой сливая их губы в волнующе-жарком поцелуе. Потом платформа замедлила ход, кабинка вращалась все медленнее и наконец, покачиваясь, замерла на месте.

Они вышли, и Сара схватила Джонни за шею.

– «Тонюсенькая трещинка»! Как не стыдно! – прошептала она.

Джонни обратился к проходившей мимо полной женщине в синих брюках и дешевых легких туфлях:

– Эта девушка пристает ко мне, мэм. Если встретите полицейского, пожалуйста, пришлите его.

– Все норовите умничать! – Зажав еще крепче сумку под мышкой, женщина ускорила шаг в сторону палатки с бинго.

Сара прыснула:

– Ты невозможен!

– Да, я плохо кончу, – согласился Джонни. – Моя мама всегда так говорила.

Они зашагали рядом по центральной аллее, приходя в себя после головокружительного аттракциона: земля под ногами еще качалась, и перед глазами все плыло.

– Твоя мама очень религиозна, верно? – спросила Сара.

– Законченная баптистка. Но старается держать себя в рамках. Конечно, когда я приезжаю домой, она подсовывает мне всякие брошюры, но особо не докучает. Мы с отцом уже привыкли. Раньше я затевал с ней всякие беседы на эту тему, типа – с кем сожительствовал Каин, если его родители были единственными людьми на Земле, но потом решил, что это некрасиво, и перестал. Я сам два года назад искренне верил, что Юджин Маккарти может спасти мир. Баптисты по крайней мере не выдвигают Иисуса в президенты.

– А твой отец далек от религии?

Джонни засмеялся:

– Не знаю, но что он не баптист – это точно. – Подумав, Джонни добавил: – Он – плотник.

Сара улыбнулась:

– А что сказала бы твоя мама, узнав, что ты встречаешься с никудышной католичкой?

– Попросила бы позвать тебя в гости и вручила бы несколько брошюр.

Сара остановилась.

– А ты хотел бы пригласить меня в гости к родителям?

– Да, я хотел бы познакомить тебя с ними... а их – с тобой.

– Зачем?

– А разве ты сама не знаешь? – мягко спросил он.

– Джонни, ты мне очень нравишься.

– Ты мне больше чем нравишься.

– Покатай меня на «чертовом колесе»! – вдруг потребовала Сара. Больше никаких разговоров на эту тему, пока она все не осмыслит и не разберется в себе. – Я хочу оказаться на самой верхотуре, откуда все видно.

– А позволишь мне поцеловать тебя там?

– Два раза, если успеешь.

Они вернулись к кассе, где Джонни заплатил еще доллар. Покупая билеты, он сказал Саре:

– Со мной в школе учился парень, который работал на ярмарке. Он рассказывал, что при монтаже этих аттракционов многие рабочие напиваются в стельку и не завинчивают до конца...

– Ну тебя к черту! – беззаботно ответила она. – Никто не живет вечно!

– Но все норовят, заметила? – Джонни влез за ней в качающуюся кабинку.

Наверху ему удалось поцеловать ее несколько раз. Октябрьский ветер трепал их волосы, а расходящиеся веером аллеи ярмарки напоминали светящийся циферблат часов.

4

После «чертова колеса» они покатались на детской карусели, хотя Джонни признался Саре, что чувствует себя на ней полным придурком. Гипсовая лошадка была такой маленькой,

что запросто уместилась между его расставленными ногами. В отместку Сара рассказала ему, что училась в школе с одной девочкой, у которой было слабое сердце, но никто об этом не знал, и вот однажды она пошла со своим ухажером покататься на карусели и...

– Смотри, как бы не пришлось пожалеть, – серьезно предупредил ее Джонни. – Отношения нельзя строить на обмане, Сара.

В ответ она послала ему воздушный поцелуй.

После карусели они отправились в «зеркальный лабиринт». Вполне достойный аттракцион напомнил ей о старой учительнице из рассказа Брэдбери «Кто-то страшный к нам идет», едва не потерявшейся там. Сара видела, как неловко топтался в отражениях Джонни и махал ей рукой. Десятки Джонни махали рукой десяткам Сар. Они обходили друг друга, мелькали под невозможными углами и, казалось, куда-то исчезали. Она поворачивала то налево, то направо, несколько раз натыкалась носом на обычное прозрачное стекло в раме и беспомощно хихикала, отчасти из страха перед замкнутым пространством. Одно зеркало превратило ее в сидящего на корточках карлика из книг Толкина. В другом Сара оказалась доведенной до абсурда мечтой всех девчонок-подростков о длинных ногах: ее голени тянулись аж на четверть мили.

Наконец они выбрались наружу; Джонни купил им по хот-догу и огромный бумажный стакан с жареным во фритюре картофелем, вкусным, как в детстве.

Они прошли заведение, перед которым стояли три девушки в юбках и бюстгальтерах с блестками. Они пританцовывали под старый хит Джерри Ли Льюиса под надзором зазывалы с микрофоном в руках.

– Давай же, малышка... – зывал Джерри Ли под зажигательные переливы фортепьяно, разносившиеся над аллеями, посыпанными опилками. – Схвати-ка быка за рога... давай же, малышка... не будем валять дурака...

– «Плейбой-клуб»! – Джонни засмеялся. – В Харрисон-Бич было подобное заведение. Зазывала утверждал, что девчонки с завязанными за спиной руками могли снять с тебя очки.

– Оригинальный способ подцепить какую-нибудь заразу, – заметила Сара, и Джонни покатился со смеху.

Усиленный динамиком голос зазывалы перекрывали бешеные звуки фортепьяно, по клавишам которого Джерри Ли колотил с неистовым темпераментом. Постепенно все это стихало за их спинами. Музыка походила на старинное авто с форсированным двигателем, не желавшее сдаваться и, как оживший призрак, рассекавшее наше время, возродившись из канувших в Лету пятидесятых.

– Смелей, ребята, заходите, не стесняйтесь! Разве вы хуже девчонок? А они у нас ничего не стесняются! Заходите и убедитесь сами! Без шоу в «Плейбой-клуб» ваше образование неполное!

– Не хочешь вернуться и завершить образование? – спросила Сара.

Он улыбнулся:

– Базовое образование по этому курсу я уже получил. А с докторской степенью думаю чуть повременить.

Она взглянула на часы.

– Уже поздно, Джонни. А завтра на работу.

– Да. Хорошо, что завтра пятница.

Сара вздохнула, вспомнив, что на пятом уроке школьники работают самостоятельно, а на седьмом – современная литература. И оба класса – на редкость хулиганистые.

Они начали пробираться к главной аллее. Толпа потихоньку редела. Аттракцион, на котором они кружились, уже закрылся, двое рабочих, зажав сигареты без фильтра в уголках губ, натягивали брезент на «Полевую мышь», а в павильончике «Веселые кольца» уже тушили свет.

– А ты занята в субботу? – спросил Джонни неожиданно робко. – Понимаю, что стоило побеспокоиться раньше, но...

– Есть кое-какие планы.

– Понятно.

Его удрученный вид устыдил Сару, ей уже не хотелось его дразнить.

– Я собиралась провести время с тобой.

– Правда? Это здорово! – Джонни радостно улыбнулся.

Сара снова услышала внутренний голос, иногда неотличимый от настоящего:

Тебе снова хорошо, Сара. Ты опять счастлива. Разве это не чудесно?

– Еще бы! – Приподнявшись на мысочки, Сара поцеловала Джонни и быстро продолжила, лишая себя возможности передумать: – В Визи мне иногда одиноко. Пожалуй, я... могла бы остаться у тебя на ночь.

В его взгляде было столько теплоты и чувства, что ее захлестнула нежность.

– Ты серьезно, Сара?

– Более чем.

– Хорошо! – Джонни обнял ее.

– Ты уверен?

– Боюсь, как бы ты не раздумала.

– Я не раздумаю, Джонни.

Он обнял ее еще крепче.

– Это будет моя самая счастливая ночь.

В этот момент они проходили мимо «Колеса фортуны», и Сара позже вспомнит, что в той части центральной аллеи лишь этот павильон еще не закрылся. Хозяин только что закончил подметать утрамбованный игроками пол, надеясь найти монетки, случайно соскользнувшие с игрового барабана. Сара подумала, что это, наверное, последнее, что он делает перед закрытием. За хозяином располагалось большое колесо со спицами, украшенное горевшими лампочками. Наверное, он услышал последние слова Джонни, потому что машинально вернулся на свое рабочее место, все еще выискивая взглядом заваливавшиеся на полу монетки.

– Эй, мистер, если вы в ударе, крутаните «Колесо фортуны» и превратите свои центы в доллары. Поставьте хоть одну монетку, и колесо завертится!

Джонни обернулся на голос.

– Джонни?

– Он правильно сказал, я действительно в ударе! – улыбнулся он. – Но если ты против...

– Да нет, попробуй. Только недолго.

Джонни бросил на нее откровенно оценивающий взгляд, и Сара, вдруг почувствовав слабость в ногах, представила себе, как хорошо им будет вместе. В животе что-то опустилось, и от желания близости ей стало немного не по себе.

– Конечно, недолго.

Он посмотрел на хозяина аттракциона. Центральная аллея за ними уже опустела, небо расчистилось, и заметно похолодало. У всех троих вырывались изо рта клубы пара.

– Ну как? Попробуете счастья, молодой человек?

– Да.

Когда они приехали на ярмарку, Джонни переложил деньги в нагрудный карман и теперь вытащил все, что осталось: доллар и восемьдесят пять центов.

Игровое поле представляло собой полоску желтого пластика с цифрами. Оно походило на поле в рулетке, но Джонни подумал, что в Лас-Вегасе такая низкая вероятность выигрыша сразу отбила бы у игроков охоту попытать счастья. Выигрыш при ставке на серию цифр приносил лишь двойной размер ставки. Помимо обычного зера, имелось еще и двойное; при этом всегда выигрывал хозяин. Джонни указал на это, но хозяин только пожал плечами:

– Если вам больше нравится Лас-Вегас, поезжайте туда. Что тут скажешь?

Но Джонни был в ударе. После сомнительной шутки с маской вечер, начавшийся так несуразно, складывался все лучше и лучше. Это был его самый удачный вечер за долгие годы, а может, и за всю жизнь. Он взглянул на Сару. Она покраснелась, и ее глаза светились.

– Как думаешь, Сара?

Она покачала головой:

– Для меня это – китайская грамота. Что нужно делать?

– Поставить на цифру. Или красное/черное. Или чёт/нечет. Или последовательность из десяти цифр. Выигрыши везде разные. – Джонни посмотрел на хозяина, и тот ответил равнодушным взглядом. – Или по крайней мере должны быть разными.

– Поставь на черное, – предложила Сара. – Надеюсь, повезет.

– Черное, – повторил Джонни и положил десять центов на черное поле.

Хозяин уныло посмотрел на единственную монетку, лежавшую на игровой доске, и вздохнул:

– Крупная ставка, ничего не скажешь!

Он повернулся к колесу.

Джонни рассеянно дотронулся до лба и вдруг сказал:

– Подождите!

После чего положил монету в двадцать пять центов на поле «11–20».

– Все?

– Теперь все.

Хозяин крутанул колесо, и оно завертелось в переливе лампочек, мелькая красным и черным. Джонни снова задумчиво потер лоб. Колесо замедлило вращение, и стало слышно похожее на метроном тиканье, когда язычок трещотки – указатель выпавшего номера – задевал маленькие штырьки, разделявшие сектора с цифрами. Он дошел до 8, перескочил 9 и, казалось, остановился на 10, но все же перевалил на 11 и замер.

– Леди проиграла, джентльмен выиграл! – объявил хозяин.

– Ты выиграл, Джонни?

– Похоже на то, – ответил он, пока хозяин добавлял два четвертака к тому, что лежало на игровом поле. Сара радостно вскрикнула, даже не огорчившись, что хозяин забрал ее десятицентовик.

– Я же говорил, что мне сегодня везет, – заметил Джонни.

– Везение – это два раза, а один раз – случайность, – проговорил хозяин.

– Давай попробуем еще, Джонни, – предложила Сара.

– Хорошо. Оставляю как есть.

– Запускаю?

– Да!

Хозяин снова крутанул колесо, и, пока оно вращалось, Сара шепнула Джонни:

– Говорят, у них здесь все подстроено, чтобы всегда выигрывать.

– Так было раньше. Теперь власти следят, чтобы такого не было, и хозяева зарабатывают на жульническом занижении размера выигрыша.

Колесо замедляло ход и щелкало все реже и реже. Указатель миновал 10 и вошел в последовательность, выбранную Джонни.

– Ну же, давай, давай! – закричала Сара, и пара проходивших мимо подростков остановилась посмотреть.

Деревянный язычок, отбивая все более продолжительные паузы, миновал 16, затем 17 и остановился на 18.

– Джентльмен снова выиграл! – объявил хозяин и добавил еще шесть четвертаков к трем на игровом поле.

– Ты – настоящий богач! – восхитилась Сара и поцеловала Джонни.

– Вам и правда везет! – согласился хозяин. – Такую удачу грех упускать!

– Попробовать еще раз? – спросил Джонни у Сары.

– Конечно!

– Давайте-давайте, – сказал подросток со значком Джими Хендрикса на куртке. – Этот тип раздел меня сегодня на четыре доллара. Я не прочь, если вы его взгреее.

– Тогда ты тоже поставь, – предложил Джонни Саре и, забрав из стопки в девять монет одну, дал ей. Подумав, она поставила на 21. На игровом поле значилось, что выплаты по ставкам на один номер составляют десять к одному.

– А вы по-прежнему ставите на серию, верно?

Джонни посмотрел на восемь двадцатипятицентовых монет и потер лоб, будто чувствовал приближение головной боли. Внезапно он забрал монеты и зажал их в кулаке.

– Нет. Крутаните для леди. Я понаблюдаю.

– Джонни? – Сара удивленно посмотрела на него.

– Так, предчувствие. – Он пожал плечами.

Хозяин закатил глаза, ясно давая понять, как он устал от человеческой глупости, и крутанул колесо. Оно остановилось на двойном zero.

– Выигрывает заведение, выигрывает заведение! – радостно пропел хозяин, и четвертак Сары исчез в кармане его фартука.

– Это честно, Джонни? – возмущенно спросила Сара.

– Zero и двойное zero приносят выигрыш хозяину, – объяснил он.

– Тогда ты правильно сделал, что не стал ставить.

– Похоже, так.

– Крутить дальше, или я закрываюсь? – поинтересовался хозяин.

– Крутите дальше. – Джонни поставил монеты в две стопки на третий десяток цифр.

– Как думаешь, какой здесь можно получить доход за один вечер? – Сара не сводила глаз с вращающегося колеса.

К наблюдающим подросткам присоединились две пары взрослых. Мужчина, похожий на строителя, ответил:

– От пяти до семи сотен долларов.

– Вашими бы устами... – отозвался хозяин.

– Только не приbedняйся! – ответил похожий на строителя мужчина. – Я работал на такой штуке двадцать лет назад. От пяти до семи сотен за вечер, а в субботу – две штуки, не напрягаясь. И это если не жульничать!

Джонни смотрел на колесо; оно двигалось уже медленно, и можно было различить цифры секторов. Указатель миновал zero, двойное zero, первый десяток. Поплыли цифры второго десятка.

– Не дойдет! – засомневался один из подростков.

– Подождем, – произнес Джонни странным голосом. Сара взглянула на него: открытое лицо Джонни исказилось от напряжения, голубые глаза потемнели и стали чужими.

Указатель замер на 30.

– Угадал! Угадал! – невесело произнес нараспев хозяин, а зрители восторженно закричали. Похожий на строителя мужчина хлопнул Джонни по спине с такой силой, что тот пошатнулся. Хозяин вытащил из-под прилавка сигарную коробку, отсчитал четыре банкноты по доллару и положил возле восьми четвертаков Джонни.

– Хватит? – спросила Сара.

– Еще один раз, – ответил Джонни. – Если выиграю, мы возместим все расходы по ярмарке и стоимость бензина. Если проиграю, потеряю полдоллара или около того.

– Ой-ё-ёй! – воспрянув духом, оживился хозяин. – Ставьте, где глянется, где вам больше нравится! Походите, не стесняйтесь, не в театре – развлекайтесь! Колесо крути-верти, и удачу принеси!

Похожий на строителя рабочий и двое подростков подошли ближе и встали возле Джонни и Сары. Посовещавшись, подростки набрали полдоллара мелочью и поставили на второй десяток. Похожий на строителя рабочий, назвавшийся Стивом Бернхардтом, поставил доллар на чёт.

– А вы? – спросил хозяин у Джонни. – Оставляете там, где сейчас?

– Да.

– Искушаете судьбу? – поинтересовался подросток.

– Похоже на то, – ответил Джонни, и Сара улыбнулась ему.

Бернхардт внимательно посмотрел на Джонни и вдруг переложил свой доллар на третий десяток.

– Будь что будет! – вздохнул подросток, говоривший про судьбу, и последовал его примеру, переложив свои и приятеля пятьдесят центов туда же.

– Все яйца в одной корзине! – пропел хозяин. – Уверены, что не передумаете?

Игроки промолчали. Подошла пара разнорабочих, один из них с подружкой, и теперь возле «Колеса фортуны» собралась уже довольно большая компания. Хозяин с силой крутанул колесо, и за его вращением наблюдали уже двенадцать пар глаз. Сара снова взглянула на Джонни, думая, как странно выглядит его лицо в этом ярком и каком-то ускользающем свете. Ей вдруг вспомнилась маска Джекила и Хайда. Чёт и нечет. Живот снова напомнил о себе, и она почувствовала слабость. Колесо замедлило вращение, и стало отчетливо слышно тиканье трещотки. Подростки криком подгоняли его в нужное положение.

– Ну, еще, малышка, – присоединился к ним Стив Бернхардт. – Не подведи, родное.

Колесо нехотя повернулось еще чуть-чуть, и указатель, перевалив на третий десяток, остановился на цифре 24.

– Джонни, у тебя получилось! – закричала Сара.

Хозяин присвистнул от досады и выплатил выигрыш.

– Опять удача на вашей стороне! Ой-ё-ёй! Еще разок, приятель? Фортуна благосклонна к вам сегодня.

Джонни взглянул на Сару.

– Как хочешь, Джонни. – Ее вдруг затошнило.

– Не бросайте! – умолял парень со значком Джими Хендрикса. – Взгрейте этого барыгу!

– Ладно, – решил Джонни. – Самый последний раз!

– Ставьте, где глянется, где вам больше нравится!

Все молча наблюдали за Джонни, который сосредоточенно тер лоб. Его открытое лицо было серьезно и спокойно. Он смотрел на колесо, обрамленное кольцом огней, не переставая потирать лоб над правым глазом.

– Оставляю там же, – наконец произнес он.

По толпе прокатился шумок.

– Это уж слишком – так не бывает! – засомневался подросток.

– Круто! – отозвался Бернхардт и посмотрел на жену. Та неуверенно пожала плечами, показывая, что сама сбита с толку. – Ладно, рискну! Была не была!

Подросток со значком взглянул на товарища. Тоже пожав плечами, тот все же кивнул:

– Ладно, мы тоже рискнем!

Колесо завертелось. Сара слышала, как у нее за спиной поспорили на пять долларов, что тот же десяток не выпадет в третий раз подряд. Живот снова дал о себе знать, но на этот раз не успокоился, и приступ тошноты усилился. На лице выступил холодный пот.

Колесо начало замедлять ход на первом десятке. Подросток с досады хлопнул в ладоши, но не ушел. Указатель проскочил 11, 12, 13. Хозяин не сдерживал радости. Тик-тик-тик, 14, 15, 16.

– Доползет! – не веря своим глазам, промолвил Бернхардт. Хозяин смотрел на колесо так, будто пытался остановить его взглядом. Указатель отщелкал сектора с цифрами 20, 21 и остановился на 22.

Толпа, в которой насчитывалось уже десятка два людей, взорвалась приветственными криками. Казалось, здесь собрались все, кто еще не покинул ярмарку. Сара слышала, как рабочий, проигравший спор, недовольно отсчитывал деньги, бормоча что-то о «дикой везухе». В голове у нее шумело. Она вдруг почувствовала, что едва стоит на ногах и все внутри у нее сжато от спазмов. Сара несколько раз с силой зажмурилась, но после этого к тошноте добавилось головокружение. Мир вдруг завертелся, как в кабинке на аттракционе, а потом медленно вернулся на место.

Она поняла, что отравилась сосиской.

Вот что значит пытаться счастья на ярмарке, Сара.

– Ой-ё-ёй! – уныло произнес хозяин и расплатился.

Два доллара подросткам, четыре – Стиву Бернхардту, и кучу денег Джонни – три двадцатки, пятерку и доллар. Хозяин, понятно, особой радости не испытывал, но надежды не терял. Если этот высокий худой парень с хорошенькой блондинкой снова поставит на ту же комбинацию, то хозяин почти наверняка вернет свой проигрыш. Пока деньги стоят на кону – есть шанс их вернуть. А если парень решит уйти? Что ж, он только за сегодняшний день заработал на колесе около тысячи, так что можно слегка потратиться. Зато завтра весть о том, что на колесе Сола Драммора сорвали крупный куш, облетит всю ярмарку, и от клиентов отбоя не будет. Крупный выигрыш – всегда самая лучшая реклама.

– Ставьте, где глянется, где вам больше нравится! – снова призвал он.

Несколько человек подошли к игровой доске и поставили десятицентовики и четвертаки. Но хозяина интересовал только главный игрок.

– Что скажете, мистер? Собираетесь сбежать? Неужто сдрейфили?

Джонни перевел взгляд на Сару.

– Что ска... с тобой все в порядке? На тебе лица нет!

– Живот прихватило, – сказала она с вымученной улыбкой. – Наверное, отравилась сосиской. Мы можем уехать?

– Конечно! Само собой!

Он собирал деньги с игрового поля, когда его взгляд вдруг остановился на колесе. Глаза, которые только что выражали участие и заботу, неожиданно потемнели и стали чужими.

Он смотрит на колесо, как маленький мальчик на муравейник, который считает своей собственностью, подумала Сара.

– Одну минутку, – произнес Джонни.

– Ладно, – согласилась Сара. Теперь голова у нее немного прояснилась, хотя в животе продолжало бурлить.

Господи, только бы не было поноса! – мысленно взмолилась она.

Он успокоится, только когда проиграет все. И странная уверенность: он не может проиграть!

– Что скажете, приятель? – осведомился хозяин. – Или да, или нет. Решайтесь!

– Или пан, или пропал, – в тон ему отозвался один из рабочих, чем вызвал нервный смех.

Перед глазами у Сары все плыло.

Джонни внезапно передвинул все свои купюры и монеты на угол доски.

– Что это значит? – Хозяин не верил своим глазам.

– Все на 19! – пояснил Джонни.

Сара едва сдержала стон. По толпе прокатился ропот.

– Не искушайте судьбу! – шепнул Джонни Стив Бернхардт. Тот не ответил, безучастно глядя на колесо. Глаза стали почти фиолетовыми.

Раздался какой-то странный звук, и Сара поначалу решила, что звенит у нее в ушах. Однако сразу увидела, что все бросились забирать свои деньги, оставив Джонни единственным игроком, сделавшим ставку.

Нем! – чуть не крикнула она. *Не оставляйте его одного! Это...*

Сара закусила губу, боясь, что ее вырвет, если она откроет рот. С животом стало совсем худо. На игровом поле лежали только выигранные Джонни деньги. Пятьдесят четыре доллара, а выигрыш при ставке на одну цифру составлял десять к одному.

Хозяин нервно облизнул губы.

– Мистер, по закону я не должен принимать ставки больше двух долларов на одну цифру.

– Да ладно! – вмешался Бернхардт. – По закону ты не должен принимать на десяток цифр больше десяти долларов, а сам только что разрешил ему поставить восемнадцать. Что, сдрейфил? Кишка тонка?

– Нет, просто...

– Быстрее! – решительно сказал Джонни. – Моей девушке нехорошо. Мы играем или уходим!

Хозяин, посмотрев на собравшихся, встретил враждебные взгляды. Дело плохо. Они не понимали, что он хотел уберечь парня от глупости – ведь тот проиграет все! Ну и черт с ними! Им все равно не угодить, как бы он ни поступил. Пусть парень проиграет, и на этом все закончится.

– Ладно, если среди вас нет инспекторов штата... – Хозяин повернулся к колесу. – Колесо крути-верти, и удачу принеси!

Он с силой крутанул, и цифры замелькали, сливаясь в единый движущийся поток. Казалось, время замерло: никто не шевелился, и слышалось только лихорадочное стрекотание трещотки. Где-то хлопал от ветра плохо закрепленный полог тента, в голове у Сары гулко стучало. Ей так хотелось, чтобы Джонни обнял ее, но он неподвижно стоял, опираясь на игровое поле и не спуская глаз с колеса, которое, казалось, превратилось в вечный двигатель.

Наконец вращение замедлилось, и стало видно сектор с цифрой 19, нарисованной красным на черном фоне. Цифра взмывала вверх и тут же падала вниз, а ровное стрекотание колеса сменилось отчетливым тиканьем, громко разносившимся в тишине.

Теперь цифры медленно скользили мимо указателя.

– Если он и ошибся, то ненамного! – удивленно воскликнул один из рабочих.

Джонни спокойно наблюдал за движением колеса, и теперь Саре казалось (хотя, конечно, причиной могли быть непрерывные спазмы в животе), что его глаза стали почти черными.

Совсем как Джекил и Хайд, подумала она и вдруг ощутила необъяснимый страх.

Тик-тик-тик.

Указатель добрался до второго десятка, прошел 15, 16, с трудом преодолел 17 и, задержавшись на 18, издал громкий *щелчок* и перевалил на сектор 19! Толпа затаила дыхание. Колесо продолжало движение, и указатель уперся в штырек, разделявший 19 и 20. Он словно изо всех сил старался преодолеть и его. Но силы колеса иссякли, и оно, чуть откатившись, замерло с указателем на 19.

Мгновение никто не шевелился. Стояла полная тишина.

– Вы только что выиграли пятьсот сорок долларов, мистер! – тихо и благоговейно проговорил подросток.

– Никогда такого не видел! *Никогда!* – восхитился Стив Бернхардт.

И тут толпа взорвалась радостными криками. Оттеснив Сару, все бросились к Джонни. Все радостно хлопали его по плечу и поздравляли. Сара почувствовала себя совсем несчастной.

Ее пихали, толкали, а в животе творилось что-то невообразимое. Перед глазами продолжали плыть цифры уже давно остановившегося колеса.

Через мгновение к ней подскочил Джонни, и она с облегчением увидела, что это действительно ее Джонни, а не тот похожий на манекен человек, бесстрастно наблюдавший за последним оборотом колеса. Он виновато смотрел на нее встревоженными глазами.

– Прости меня, милая, – сказал он, и от этих слов у нее сразу потеплело на душе.

– Все в порядке, – ответила она, хотя и сомневалась в этом.

Хозяин откашлялся.

– Колесо закрыто, – объявил он и для верности повторил: – Колесо закрыто!

По толпе прокатился недовольный ропот.

– Мне придется выписать вам чек, молодой человек, – сказал хозяин, глядя на Джонни. – Я не держу здесь столько наличности.

– Мне все равно, – ответил Джонни, – только, пожалуйста, побыстрее. Моей девушке нехорошо.

– Еще чего – чек! – возмутился Стив Бернхардт. – Он всучит чек, который нельзя погасить, а сам отправится отдыхать во Флориду!

– Мой дорогой сэр, – начал хозяин, – уверяю вас...

– Оставь свои оправдания для матери – может, она им и поверит!

Бернхардт неожиданно перегнулся через стойку и пошарил под ней.

– Эй! – возмутился хозяин. – Да это чистой воды грабеж!

Но сочувствия в толпе он не вызвал.

– Пожалуйста! – взмолилась Сара. Голова у нее кружилась.

– Наплевать на деньги! – воскликнул Джонни. – Пропустите нас, пожалуйста. Моей девушке нехорошо.

– Как же так? – удивился подросток со значком Джими Хендрикса, но все же они с приятелем посторонились.

– Нет, Джонни. – Сара сдерживала рвоту усилием воли. – Деньги надо забрать!

Пятьсот долларов составляли зарплату Джонни за три недели.

– Плати, сукин сын! – взревел Бернхардт. Он извлек из-под стойки коробку от сигар, но, даже не открыв ее, сразу отодвинул в сторону. Потом снова пошарил руками и, вытащив маленький стальной ящичек, окрашенный в зеленый цвет, грохнул им по прилавку. – Если там нет пятисот сорока долларов, я на глазах у всех съем свою рубашку! – Он положил на плечо Джонни тяжелую руку. – погоди минутку, сынок. Ты получишь свои деньги, или я не Стив Бернхардт!

– Послушайте, сэр, у меня нет столько...

– Плати! – Стив Бернхардт угрожающе навис над хозяином. – Или я закрою твою лавочку! Клянусь, я не шучу!

Хозяин тяжело вздохнул и, покопавшись под воротом рубашки, извлек ключ на тонкой цепочке. Толпа выдохнула. Сара не выдержала. Раздувшийся живот будто омертвел. Чувствуя, что ее вот-вот вырвет, она рванулась из толпы.

– Милая, с вами все в порядке? – участливо спросила какая-то женщина, и Сара отчаянно замотала головой.

– Сара! – крикнул Джонни.

От Джекила и Хайда... никуда не спрятаться, вдруг подумала она. Почти бегом Сара бросилась по темной аллее мимо карусели, а перед глазами прыгала проклятая светящаяся маска. Налетев на столб, она пошатнулась и ухватилась за него. Ее вывернуло. Казалось, спазм зародился где-то у пяток и прошел через все тело, как мерзкий скользкий кулак. Больше она не сдерживалась.

Запах, как от сахарной ваты, мелькнуло в голове Сары, пока ее рвало. Перед глазами запрыгали разноцветные пятна. Наконец позывы стали реже, и рвало ее уже какой-то слизью, смешанной с воздухом.

– О Господи! – едва слышно пробормотала она, цепляясь за столб, чтобы не упасть. Где-то сзади слышался голос искавшего ее Джонни, но Сара не могла да и не хотела ответить. Живот понемногу успокаивался, и она желала только одного – чуть-чуть постоять и порадоваться, что осталась жива.

– Сара? Сара!

Она дважды сплюнула, чтобы хоть немного очистить рот.

– Я здесь, Джонни.

Он появился из-за карусели, где гипсовые лошадки застыли в прыжке. В руке у него была толстая пачка купюр.

– С тобой все в порядке?

– Нет, но сейчас уже лучше. Меня вырвало.

– Да. О Господи! Поехали домой.

Джонни осторожно взял ее за руку.

– Ты получил свои деньги?

Он рассеянно взглянул на них и сунул в карман брюк.

– Да, все или часть – не знаю. Их считал тот здоровяк.

Сара достала из сумочки платок и вытерла рот. За глоток воды она была готова продать душу дьяволу.

– Нужно побережься, – сказала она. – Это очень большие деньги.

– Шальные деньги приносят несчастье, – мрачно заметил Джонни. – Одна из сентенций моей матери. У нее их миллион. Азартные игры она на дух не переносит.

– Баптистка до мозга костей... – Сара вздрогнула.

– Как ты? – с тревогой спросил он.

– Меня знобит. Когда сядем в машину, давай включим печку на максимум и... о Господи, опять!

Сара отвернулась, и ее снова вывернуло. Она со стоном пошатнулась, и Джонни поддержал ее – осторожно, но крепко.

– Ты в силах дойти до машины?

– Да, сейчас мне уже лучше. – Но голова раскалывалась, во рту было гадко, а мышцы спины и живота болели так, будто их разорвали.

Медленно ступая по опилкам, они двинулись по аллее мимо закрытых на ночь палаток. Сзади появилась чья-то тень, и Джонни настороженно огляделся, видимо, сообразив, как много денег у него в кармане.

Это был уже знакомый подросток – мальчишка лет пятнадцати. Он смущенно улыбнулся.

– Надеюсь, вам уже лучше, – обратился он к Саре. – Это наверняка сосиски. Ими запросто можно отравиться.

– Мне ли этого не знать! – отозвалась Сара.

– Вам помочь довести ее до машины? – спросил подросток у Джонни.

– Нет, спасибо. Мы справимся.

– Ладно. Мне и самому пора. – Помедлив, он удовлетворенно ухмыльнулся. – А здорово вы его взгрили!

С этими словами подросток исчез в темноте.

Маленький белый универсал Сары, единственный на стоянке, стоял под неоновым светом фонаря. Джонни открыл Саре дверь, и она осторожно забралась на пассажирское сиденье. Сев за руль, он завел двигатель.

– Надо подождать, пока печка нагреет салон, – сказал Джонни.

– Не важно. Мне теперь жарко.

Взглянув на нее, он заметил, что на лице ее выступил пот.

– Может, отвезти тебя в больницу? Если это сальмонелла, лучше не рисковать.

– Да нет, все в порядке. Мне нужно домой; я лягу спать. А завтра позвоню в школу, предупрежу, что заболела, и снова усну.

– Не переживай и спи сколько влезет. Я сам позвоню и предупрежу.

– Правда?

– Конечно.

Когда они выехали на шоссе, Сара сказала:

– Мне очень жаль, что не могу поехать к тебе.

– Ты не виновата.

– Конечно, виновата! Это же я съела испорченную сосиску. Бедная Сара!

– Я люблю тебя, Сара, – произнес он.

– Спасибо, Джонни, – отозвалась она, и оставшийся путь они проехали молча.

Глава вторая

1

До дома Сары они добрались около полуночи. По дороге она задремала.

– Эй! – Джонни осторожно потряс ее за плечо, выключая двигатель. – Приехали.

– А... хорошо. – Сара выпрямилась и плотнее запахнулась в шубку.

– Как ты себя чувствуешь?

– Получше. Живот болит, и спина, но мне точно лучше. Джонни, поезжай на машине в Кливс.

– Пожалуй, не стоит. Если кто-нибудь увидит, что она стояла под окном всю ночь, пойдут ненужные разговоры.

– Но я же и так собиралась провести ночь у тебя...

Джонни улыбнулся:

– Тогда такой риск был бы оправдан, даже если бы пришлось пройти пешком три квартала. Кроме того, я хочу, чтобы машина была у тебя под рукой, на случай если ты все-таки решишь обратиться в больницу.

– Не решу.

– Ну а вдруг? Можно мне зайти и вызвать такси?

– Конечно!

Они вошли в дом, Сара включила свет и снова почувствовала озноб.

– Телефон в гостиной. Я лягу под одеяло.

Гостиная была маленькой и скромно-практичной – от сходства с казармой ее отличали невероятно яркие занавески и развешанные на стенах плакаты с концертов Боба Дилана в Форест-Хиллс, Джоан Баэз в Карнеги-холле, «Джефферсон эйрплейн» в Беркли и «Бердз» в Кливленде.

Сара легла на кушетку и натянула одеяло до подбородка. Джонни встревоженно смотрел на ее мертвенно-бледное лицо и черные круги под глазами. Она выглядела совсем больной.

– Может, мне остаться на ночь? – предложил он. – Вдруг что-то случится...

– Вроде тонюсенькой трещины на шейном позвонке? – печально пошутила она.

– Ну, мало ли что...

В животе снова заурчало. Да, она действительно собиралась провести ночь с Джоном Смитом. Но совсем не так. То есть Сара вовсе не хотела, чтобы он дожидался, пока ее вырвет или «пронесет», или смотрел, как она глотает лошадиные дозы пепто-бисмола от диареи.

– Со мной все будет в порядке. Просто съела на ярмарке несвежую сосиску. Она могла попасться и тебе. Позвони завтра, когда будет «окно».

– Уверена?

– Да.

– Ладно.

Он вызвал такси. Сара закрыла глаза. Его голос успокаивал ее. Ей особенно нравилось, что Джонни всегда поступал правильно, делал то, что нужно, и при этом совсем не думал о себе. Здорово! Она чувствовала себя слишком слабой и разбитой, чтобы соблюдать приличия.

– Дело сделано, – доложил Джонни, повесив трубку. – Такси приедет через пять минут.

– Теперь у тебя есть чем расплатиться. – Сара улыбнулась.

– И на чаевые я не поскуплюсь. – Джонни довольно похоже изобразил знаменитого комика Филдса.

Он подошел к кушетке и, присев рядом с Сарой, взял ее за руку.

– Джонни, как ты это сделал?
– Хм?
– На «Колесе фортуны». Как тебе удалось?
– Просто почувствовал. – Он смутился. – Такие штуки случаются с каждым. Как на скачках или при игре в очко.
– Нет!
– Нет?
– Сомневаюсь, что у каждого случаются подобные озарения. В этом было что-то противоестественное. Я даже... немного испугалась.
– Правда?
– Правда.
Джонни вздохнул.
– Время от времени у меня такое бывает, вот и все. Сколько себя помню, с самого раннего детства. Мне всегда удавалось находить то, что другие теряли. Взять хотя бы малышку Лайзу Шуман из нашей школы. Знаешь, о ком я говорю?
– Маленькую, печальную и похожую на мышку Лайзу? – улыбнулась Сара. – Знаю, конечно. Она вечно витает в облаках на моих уроках практической грамматики.
– Она потеряла свое школьное кольцо и явилась ко мне вся в слезах. Я посоветовал Лайзе поискать получше на верхней полке ее шкафчика для одежды. Просто пришло в голову. Догадка, не более того. И кольцо оказалось там!
– И у тебя всегда получалось?
– Нет, конечно. – Он засмеялся и покачал головой. – Но сегодня был особенный случай, Сара. У меня это колесо... – Джонни слегка сжал кулаки и, нахмурившись, посмотрел на них, – стояло перед глазами. И вызывало какие-то странные ассоциации.
– Какие?
– С резиной, – медленно ответил он. – С горячей резиной. И холодом. И черным льдом. И это сидит у меня в подкорке. Бог знает почему. И нехорошее предчувствие. Будто нужно побережись.
Сара пристально смотрела на него. Постепенно лицо Джонни прояснилось.
– Но сейчас ничего такого нет. Ерунда все это.
– А пятьсот долларов принесла! – сказала она, и Джонни засмеялся. Вскоре Сара задремала, радуясь, что он сидит рядом. Очнулась она, когда по стене скользнул свет фар подъехавшей машины. Его такси.
– Я позвоню. – Джонни нежно поцеловал ее. – Уверена, что одной тебе будет лучше? Она засомневалась, но все-таки кивнула:
– Позвони мне.
– На третьем уроке, – пообещал Джонни и направился к двери.
– Джонни?
Он обернулся.
– Я люблю тебя, Джонни!
Услышав это, он просиял.
– Поправляйся, тогда и поговорим.
Джонни послал ей воздушный поцелуй.
Сара кивнула, но их следующая беседа состоялась только через четыре с половиной года.

2

– Не возражаете, если я сяду спереди? – спросил Джонни таксиста.
– Нет, только не заденьте коленями счетчик. Он и так еле держится.

Джонни с трудом просунул длинные ноги под счетчик и захлопнул дверцу. Таксист – лысый мужчина средних лет с брюшком – включил счетчик, и машина помчалась по Флэгг-стрит.

– Куда?

– Кливс-Миллс, – ответил Джонни. – Мейн-стрит, а там я покажу.

– Тогда полтора тарифа, – предупредил таксист. – Мне это и самому не нравится, но придется возвращаться пустым.

Джонни машинально нащупал пачку денег в кармане брюк и попытался вспомнить, была ли у него при себе такая сумма хоть раз в жизни. Была. Один раз. Он покупал двухлетнюю «шевроле» за тысячу двести долларов, и, повинаясь внезапному порыву, попросил в банке выдать эту сумму наличными, чтобы иметь представление, как выглядит такая куча денег. Ничего особенного, правда, изумление на лице продавца, когда он выложил столько денег, так позабавило его, что Джонни помнил об этом до сих пор. Однако нынешняя сумма его не особенно радовала и даже, скорее, внушала беспокойство. Ему вдруг вспомнились слова матери: *Шальные деньги всегда приносят несчастье.*

– Полтора так полтора, – согласился он.

– Значит, договорились. – Таксист оживился. – Я так быстро приехал, потому что нарвался на ложный вызов на Риверсайд.

– В самом деле? – без особого интереса переспросил Джонни. Мимо проносились темные дома. Он выиграл пятьсот долларов, и такого с ним никогда не случалось. Запах паленой резины... Как будто он заново переживал нечто, произошедшее в далеком детстве... И чувство грядущей опасности не позволяло радоваться удаче.

– Да. Часто звонят пьяные, а потом решают не ехать, – объяснял таксист. – Проклятые пьянчуги, как же я ненавижу их! Сначала позвонят, а потом пропускают еще по пиву. Или, пока ждут, пропьют все деньги за проезд. Я спрашиваю, кто вызывал такси, а они не признаются.

– Понятно, – отозвался Джонни. Слева темнели маслянистые воды Пенобскот-Ривер. А тут еще Сара отравилась и потом неожиданно призналась, что любит его. Может, она плохо соображала, что говорит. А вдруг это правда? Господи Боже! Он же влюбился в нее с самого первого свидания!

Вот что было настоящей удачей в этот вечер, а вовсе не выигрыш на «Колесе фортуны». Но именно выигрыш то и дело вспоминался Джонни и внушал тревогу. В темноте, как в плохом сне, перед его глазами по-прежнему вращалось колесо, а в ушах звучало мерное постукивание указателя по штырькам, разделявшим сектора. Шальные деньги приносят несчастье.

Таксист свернул на Шестое шоссе и продолжил свой монолог.

– И тогда я говорю: «Чтоб я больше этого не слышал!» Да что он себе вообразил? Я ни от кого не потерплю такого, а уж тем более от собственного сына! Я за рулем уже двадцать шесть лет. Меня шесть раз грабили. В ДТП попадал – не счесть, правда, ни разу ни одной крупной аварии, за что отдельное спасибо Деве Марии, святому Христофору и Отцу Вседержителю. Понимаете, о чем я? И каждую неделю, какой бы плохой она ни оказалась, я откладывал пять долларов ему на колледж. С тех самых пор, как он только родился на свет Божий. И чего ради? Чтобы он в один прекрасный день заявился домой и сказал, что президент Соединенных Штатов – полный кретин? Да будь я проклят! Парень запросто может считать и меня кретином, правда, знает, что, скажи он такое, я бы ему сразу все ребра пересчитал. Вот такое у нас молодое поколение! И тогда я говорю: «Чтоб я больше этого не слышал!»

– Да уж, – согласился Джонни. Теперь они проезжали лесной массив. Слева раскинулась Карсонова топь. До Кливс-Миллс оставалось около семи миль. Сумма на счетчике увеличилась на десять центов.

Десять центов, десятая часть доллара. Ой-ё-ёй!

– А чем вы зарабатываете на жизнь? – поинтересовался таксист.

– Преподаю в старшей школе Кливса.

– Правда? Тогда вы понимаете меня. Что, черт возьми, такое с нынешней молодежью?

Молодежь отравилась сосиской под названием «Вьетнам» и теперь заражена трупным ядом. Ее продал парень по имени Линдон Джонсон. Поэтому молодежь отправилась к другому парню по имени Никсон и сказала: Господи, мистер, нам ужасно плохо, – а тот, другой парень, заверил, что знает, как это исправить, и скормил ей еще сосисок. Вот что не так с молодежью Америки.

– Не знаю, – ответил Джонни.

– Всю жизнь строишь планы, стараешься... – задумчиво протянул таксист, искренне сбитый с толку тем, что происходит, но его недоумение длилось недолго, ибо жить водителю осталось меньше минуты. И Джонни, тоже не знавший этого, почувствовал искреннюю жалость к человеку, который не мог ничего понять.

Не будем валять дурака...

– Всегда стараешься как лучше, а сын приходит домой с волосами до задницы и заявляет, что президент Соединенных Штатов – полный кретин! Кретин! Это ж надо! Я не...

– *Осторожно!* – закричал Джонни.

Таксист смотрел на него, и его одутловатое лицо типичного члена Американского легиона, выражавшее серьезность, злость и растерянность, вдруг осветил яркий свет встречных фар. Он перевел глаза на дорогу, но было слишком поздно.

– *Господи Иисусе...*

Навстречу им по обе стороны разделительной полосы мчались две машины. «Мустанг» и «додж-чарджер» выскочили из-за холма и шли бок о бок. Джонни отчетливо слышал надрывной рев их двигателей. По их полосе с бешеной скоростью летел навстречу «додж». Его водитель даже не пытался отвернуть в сторону, и таксист застыл за рулем.

– *Господи...*

Джонни успел заметить, как слева промелькнул «мустанг». Такси и «додж» врезались лоб в лоб, и Джонни почувствовал, как его отрывает от сиденья и вышвыривает из машины. Он не ощутил сильной боли, хотя краем глаза заметил, как упирившиеся в счетчик бедра вырывают его из крепления.

Послышался звон разбивающегося вдребезги стекла, и в небо взметнулся огромный столб пламени. Джонни вышиб головой ветровое стекло, и весь мир устремился в огромную черную дыру. Его выбросило из машины, и приглушенная боль в плечах и руках отозвалась в голове. Он парил. Парил в октябрьской ночи.

В голове мелькали смутные мысли.

Я умираю? Пришла моя смерть?

И внутренний голос отвечал:

Да. Похоже на то.

Джонни парил в окружении октябрьских звезд. Грохот взрывов. Отблески пламени. И черная мгла!

Его парение завершилось глухим ударом и всплеском, и он очутился в холодной жиже Карсоновой топи, в двадцати пяти футах от места, где намертво сцепившиеся машины полыхали ярким пламенем.

Черная мгла.

И угасавшее сознание.

Его целиком заполняло огромное красно-черное колесо, вращавшееся в пустоте, сравнимой только с расстоянием между звездами. Попытай счастья: первый раз – случайность, а второй – удача. Ой-ё-ёй! Колесо крутилось, черное сменялось красным, указатель щелкал по штырькам, и Джонни отчаянно вглядывался, не выпадет ли двойное зеро, при котором проигрывают все, кроме хозяина. Но разглядеть ему так и не удалось, потому что колесо вдруг

исчезло. Кругом царили мгла и вселенский вакуум, полная и окончательная пустота. Холодное ничто.

Джонни Смит пребывал в нем очень и очень долго.

Глава третья

1

В третьем часу ночи 30 октября 1970 года в прихожей на первом этаже маленького дома в ста пятидесяти милях от Кливс-Миллс зазвонил телефон.

Эрб Смит с трудом оторвал голову от подушки и, пытаясь сообразить, что происходит, сел на кровати.

Сзади послышался сонный голос Веры:

– Телефон.

– Да, – сказал он и вылез из кровати. Эрб, крупный и уже начинающий лысеть мужчина почти пятидесяти лет, спал в пижамных штанах. Он вышел в коридор и включил свет. Внизу надрывался телефон.

Эрб спустился на первый этаж и направился в угол к маленькому столику, купленному Верой три года назад. На нем стоял телефон, и Вера называла это «телефонным закутком». Эрб, при своих двухста сорока фунтах веса, не умещался в нем и всегда разговаривал стоя. Ящик стола был до отказа забит периодикой типа «Ридерс дайджест», «Судьба» и религиозных «Высших сил».

Эрб потянулся к трубке, но сразу ее не взял.

Телефонный звонок посреди ночи мог означать одно из трех: либо какой-нибудь старый приятель так набрался, что решил поболтать, либо ошиблись номером, либо случилось несчастье.

Надеясь на второй вариант, Эрб снял трубку:

– Алло?

– Извините, с кем я говорю?

– Меня зовут Эрб Смит. Какого...

– Пожалуйста, не вешайте трубку.

– Да, но...

Слишком поздно. В трубке послышался какой-то щелчок, будто абонент на другом конце уронил ботинок. Телефон перевели *в режим ожидания*. Из всего, что Эрбу не нравилось в телефонной связи – а это были и хулиганствующие подростки, интересовавшиеся, нет ли у него пирсинга на заднице, и телефонистки с бездушными голосами, и настырные распространители журналов, уговаривавшие подписаться на какой-нибудь из них, – самым ненавистным было, когда телефон переводили *в режим ожидания*. Это одна из тех коварных штук, которые тихой сапой вползли в нашу жизнь и за последние десять лет стали ее неотъемлемой частью. Когда-то на другом конце провода просто спрашивали: *Вы подождете минутку?* – и клали рядом трубку. В те времена вы слышали порой обрывки разговоров, лай собаки, звук радио, плач младенца. *В режиме ожидания* все происходило иначе. Трубка зловеще молчала. Там была только пустота. Лучше бы честно сразу сказали: «Подождите немного, пока я закопаю вас заживо!»

Он понял, что ему страшно.

– Герберт!

Он повернулся, прижимая трубку к уху. Наверху, на лестнице, стояла Вера в выцветшем коричневом халате, в бигудях, с питательной кремовой маской, похожей на застывшую корку, на лбу и щеках.

– Кто это?

– Пока не знаю. Просили подождать.

– Это ведь не из-за Джонни? С ним ничего не случилось?

– Не знаю, – повторил Эрб, с трудом сдерживая раздражение. Звонят в два часа ночи, просят подождать, и человек невольно начинает перебирать всех родственников и вспоминать, как у них со здоровьем. На ум приходят старые тетушки, вспоминаются болячки дедушек и бабушек, если те еще живы. А может, перестало биться сердце у кого-нибудь из старых друзей. И человек изо всех сил старается при этом не думать о сыне, которого очень любит, или о том, почему такие звонки обязательно раздаются в два часа ночи, или почему ему вдруг стало так трудно стоять...

Вера закрыла глаза и молитвенно сложила руки. Чувствуя нарастающее раздражение, Эрб с трудом удержался от слов: Вера, Библия при общении с Богом рекомендует уединение, и ты можешь обрести *его* в своей гардеробной. Но тогда она непременно наградит его красноречивой улыбкой, адресуемой ею всем неверующим мужьям, которым уготовано место в аду. А в два часа ночи и с *продолжавшей молчать* трубкой такая улыбка ему точно была не нужна.

В телефоне снова щелкнуло, и другой мужской голос – уже явно постарше – произнес:

– Здравствуйте, это мистер Смит?

– Да. А с кем я говорю?

– Извините, что заставил вас ждать, сэр. Сержант Меггс, полиция штата, отделение Ороно.

– Что случилось? Что-то с сыном?

Он невольно опустил на стул в «телефонном закутке». Силы вдруг оставили его.

– У вас есть сын по имени Джон Смит? – спросил сержант Меггс.

– С ним все в порядке? Говорите, ну же!

Послышались шаги по ступенькам, и рядом оказалась Вера. Мгновение она казалась спокойной, а потом рванулась к трубке, как тигрица.

– Что случилось? Что с моим мальчиком?

Эрб вырвал у жены трубку и, выразительно посмотрев, произнес:

– Сам разберусь.

Она замерла, не сводя с него выцветших голубых глаз и закрыв ладонью рот.

– Мистер Смит, вы слышите меня?

Он ответил, произнося слова с таким трудом, будто губы не слушались, как после заморозки:

– Да, у меня есть сын по имени Джон Смит. Он живет в Кливс-Миллс и работает учителем в местной старшей школе.

– Он попал в аварию, мистер Смит. И сейчас находится в очень тяжелом состоянии. Мне искренне жаль, что приходится сообщать вам столь печальную новость. – Голос Меггса звучал ровно и официально.

– О Господи! – вырвалось у Эрба. В голове все поплыло. Однажды, еще во время службы в армии, он подрался с одним светловолосым здоровяком-южанином по имени Чайлдресс, и тот чуть не вышиб из него дух позади бара в Атланте. И сейчас Эрб чувствовал себя точно так же – сломленным и лишенным всякой способности соображать, поскольку все мысли смешались в какую-то бесполезную и вязкую кучу. – О Господи! – повторил он.

– Он умер? – спросила Вера. – Умер? Джонни умер?

– Нет, – ответил Эрб, закрыв ладонью трубку. – Жив.

– Жив! Жив! – Она упала на колени возле столика. – О Господи, прими нашу благодарность и яви свое милосердие и сострадание к нашему сыну, пусть десница Твоя защитит его, и мы просим Тебя, Сына Божьего Иисуса...

– *Помолчи, Вера!*

Все трое умолкли, будто размышляя над тем, как несправедливо устроен мир. Эрб сидел на стуле: с трудом помещаясь в закутке с телефоном, он упирался коленями в низ ящика, а

прямо перед глазами был нелепый букет из искусственных цветов. Вера стояла на коленях на металлическом листе перед камином. А невидимый им сержант Меггс, казалось, наблюдал за этой странной картиной.

– Мистер Смит?

– Да. Я... прошу прощения за шум.

– Я все понимаю, – заверил Меггс.

– Мой мальчик... Джонни... он был за рулем своего «фольксвагена»?

– Смертельные ловушки, смертельные ловушки – вот что такое эти маленькие «жуки». –

По лицу Веры текли слезы, скатываясь по засохшей корке питательной маски.

– Он ехал в местном «желтом такси», – пояснил Меггс. – Я расскажу, что нам известно. В аварии участвовали три машины, в двух из них за рулем сидели парни из Кливс-Миллс. Они устроили гонки и выскочили из-за холма на Шестом шоссе. Такси и машина, которая ехала по встречной полосе, столкнулись. Водитель такси и парень за рулем погибли. Ваш сын и пассажир из второй машины находятся сейчас в больнице «Истерн-Мэн». Оба в критическом состоянии.

– В критическом состоянии, – повторил Эрб.

– В критическом! – простонала Вера.

Мы разговариваем, как в дурном бродвейском шоу, почему-то подумал Эрб. Ему было неловко за Веру перед сержантом Меггсом: ведь тот наверняка слышал ее причитания, похожие на дурацкий хор, на фоне которого разыгрываются греческие трагедии. Интересно, сколько раз сержанту Меггсу случалось вести подобные разговоры? Наверняка много раз. Вполне возможно, что он уже позвонил жене погибшего таксиста и матери парня и сообщил им скорбную весть. Как они отреагировали? Но разве это важно? Разве Вера не имела права плакать по сыну? И почему человек в такой момент вообще думает об этом?

– «Истерн-Мэн», – повторил Эрб и записал в блокнот. На его обложке улыбалась телефонная трубка, а шнур затейливо извивался, образуя слова «Телефонный приятель». – Что с ним?

– Простите, мистер Смит?

– Что он повредил? Голову? Живот? Что? Ожоги?

Вера пронзительно вскрикнула.

– Вера, пожалуйста, замолчи!

– Лучше позвоните в больницу и уточните, – осторожно ответил Меггс. – У меня появятся подробности только часа через два.

– Хорошо, я все понял.

– Мистер Смит, мне очень жаль, что пришлось вам звонить посреди ночи с такой неприятной вестью...

– Да уж, – согласился Эрб. – Мне нужно позвонить в больницу, сержант Меггс. До свидания.

– До свидания, мистер Смит.

Эрб повесил трубку и молча уставился на телефон.

Вот так все и происходит, подумалось ему. И ничего не изменишь. Джонни...

Вера снова вскрикнула, и он с ужасом увидел, как она рвет на себе волосы, срывая бигуди.

– Кара Господня! Кара за грехи наши, за то, как мы живем! Эрб, встань на колени рядом...

– Вера, мне нужно позвонить в больницу. Я не хочу это делать на коленях.

– Мы помолимся за него... пообещаем исправиться... если бы только он меня слушался и ходил в церковь чаще... может, это все из-за твоих сигар и пива после работы... сквернословия... поминания Господа все... кара... это кара...

Эрб обхватил руками лицо жены, чтобы остановить истерику и яростное раскачивание взад и вперед. Ощущение от ночного крема было неприятным, но рук он не убрал, испытывая

к ней искреннюю жалость. Все последние десять лет его жена находилась в каком-то странном состоянии баптистского рвения и, как он считал, легкого религиозного умопомрачения. Через пять лет после рождения Джонни врачи обнаружили у нее доброкачественные опухоли в матке и вагинальном канале. После их удаления она не могла больше рожать. Через пять лет опухоли снова появились, и пришлось удалить матку. Вот тогда глубокая религиозность Веры непостижимым образом слилась воедино с ее другими верованиями. Она начала жадно читать об Атлантиде, о космических пришельцах, о расах «чистых христиан», живущих в чреве планеты. Вера читала журнал «Судьба» почти так же часто, как и Библию, а сведения, почерпнутые из журнала, дополняла тем, что постигла из Библии, и наоборот.

– Вера!

– Мы исправимся, – прошептала она, умоляюще глядя на него. – Мы исправимся, и он выживет! Вот увидишь...

– Вера!

Она молчала, не сводя глаз с мужа.

– Надо позвонить в больницу и узнать, что с ним на самом деле, – мягко сказал он.

– Х... хорошо. Да.

– Можешь посидеть на ступеньках и вести себя тихо?

– Я хочу помолиться, – по-детски жалобно сказала она. – Ты не можешь мне запретить.

– Я и не собираюсь. Только помолись про себя.

– Хорошо! Про себя! Ладно, Эрб.

Она подошла к лестнице, опустила на ступеньки и поплотнее запахнулась в халат. Потом сложила ладони в молитвенном жесте, и ее губы зашевелились. Эрб позвонил в больницу. Через два часа они уже ехали на север по пустынному шоссе штата Мэн. За рулем их «форда»-универсала шестьдесят шестого года сидел Эрб. Вера замерла на пассажирском сиденье в неестественно ровной позе с Библией на коленях.

2

Телефонный звонок разбудил Сару без четверти девять. Еще не совсем проснувшись, она подошла к телефону. Спина и живот после вчерашней рвоты еще побаливали, но чувствовала она себя гораздо лучше.

Сара взяла трубку, не сомневаясь, что звонит Джонни.

– Алло?

– Привет, Сара. – Звонила Энн Страффорд, коллега по школе. Годом старше Сары, она преподавала в Кливсе испанский уже второй год. Энн очень нравилась Саре искрометной жизнерадостностью и неподдельным оптимизмом. Но сейчас она говорила подавленно и удрученно.

– Как ты, Энни? Мне лучше. Наверное, Джонни уже рассказал. Должно быть, отравилась сосиской на ярмарке...

– Господи, ты же еще ничего не знаешь? Ты не... – Энн оборвала себя на полуслове, и в трубке раздались странные булькающие звуки. Недоумение Сары сменилось страхом, когда она поняла, что Энн плачет.

– Энн? Что случилось? С Джонни все нормально?..

– Произошла авария. – Энн уже не сдерживала рыданий. – Он ехал в такси. И машины столкнулись лоб в лоб. За рулем другой машины сидел Брэд Френо, я преподавала ему испанский. Он погиб сразу, а его девушка – Мэри Тибо – умерла сегодня утром. Говорят, она училась у Джонни. Ужасно, просто ужасно!

– *Джонни!* – закричала Сара, снова чувствуя тошноту. Ее руки и ноги оледенели. – *Что с Джонни?*

– Он в критическом состоянии, Сара. Дейв Пелсен звонил утром в больницу. Там считают, что он не... В общем, все плохо.

Окружающий мир вдруг стал серым. Энн все еще говорила, но ее голос постепенно затихал и вскоре стал напоминать шелест листвы. Перед мысленным взором Сары замелькали странные и бессмысленные образы. Ярмарочное «Колесо фортуны». Зеркальный лабиринт. Фиолетовые глаза Джонни – такие темные, что кажутся черными. Родное лицо залито кричащим светом ярмарочной иллюминации. Голые лампочки на проводах.

– Не может быть, – сказала Сара тоже далеким и слабым голосом. – Ты ошибаешься. Когда он уезжал, с ним было все в порядке.

В голосе Энн звучали ужас и сомнение в том, что такое может случиться с человеком ее возраста, молодым и полным сил. Внезапно он стал громким и отчетливым:

– Они сказали Дейву, что он никогда не придет в себя, даже если перенесет операцию. А операция необходима, потому что его голова... его голова...

Неужели она хотела сказать *раздавлена*? Что голова Джонни *раздавлена*?

Сара потеряла сознание. Возможно, потому, что отказывалась услышать это окончательное и непоправимое слово. Она медленно провалилась в кошмарный серый мир, и выскользнувшая из рук телефонная трубка закачалась на шнуре, как маятник.

– Сара?.. Сара?.. Сара?.. – слышалось из нее.

3

Сара приехала в больницу «Истерн-Мэн» в четверть первого. Медсестра на регистрации, взглянув на ее бледное и обезумевшее от тревоги лицо, прикинула, можно ли говорить ей правду, после чего сообщила, что Джон Смит все еще в операционной, а в комнате ожидания находятся его мать и отец.

– Спасибо. – Почему-то Сара пошла направо, а не налево и, оказавшись в раздевалке персонала, вернулась.

Неприятно яркие тона комнаты ожидания резали глаз. Там сидели несколько посетителей, листая потрепанные журналы или глядя перед собой в пустоту. Из лифта вышла седовласая женщина и передала свой гостевой пропуск другой. Та сразу направилась к лифтам, постукивая шпильками. Остальные дожидались своей очереди. Кто-то пришел проводить отца, у которого удалили камни из желчного пузыря. Кто-то – мать, обнаружившую уплотнение у себя под грудью всего пару дней назад, а кто-то – друга, который во время пробежки почувствовал боль в сердце. Лица ожидавших выражали хладнокровие; все их тревоги скрывались за этой маской. Сара снова ощутила нереальность происходящего.

Где-то мелодично звякнул колокольчик. Попискивали каучуковые подошвы по полу. С ним было все в порядке, когда он вчера уходил. Невозможно представить себе, чтобы Джонни умирал в одной из этих кирпичных башен.

Мистера и миссис Смит она узнала сразу. Сара попыталась вспомнить, как их зовут, но так и не смогла. Они сидели у дальней стены и в отличие от остальных посетителей еще не оправались от шока.

Пальто матери Джонни висело на спинке стула; в руках она сжимала Библию. Читая, она шевелила губами, и Сара вспомнила слова Джонни о ее неистовой и даже исступленной религиозности. У мистера Смита – Сару вдруг осенило: его имя *Эрб* – на коленях лежал журнал, но он смотрел в окно, за которым осень Новой Англии подбиралась к зиме.

Она подошла к ним.

– Мистер и миссис Смит?

Они подняли на нее глаза, и на их лицах отразился страх: они боялись услышать страшную новость. Пальцы миссис Смит с силой вцепились в Библию, открытую на Книге Иова.

Молодая женщина, стоявшая перед ними, не была в форме медсестры или врача, но они не обратили на это внимания. Они ждали приговора.

– Да, мы – Смиты, – тихо подтвердил Эрб.

– Меня зовут Сара Брэкнелл. Мы с Джонни дружим. Можно сказать, встречаемся. Позвольте присесть рядом?

– Подруга Джонни? – переспросила миссис Смит резким и даже обвиняющим тоном, чем вызвала удивленные взгляды других посетителей, которые, впрочем, тут же отвернулись и снова уткнулись в журналы.

– Да, – подтвердила Сара. – Подруга Джонни.

– Он никогда не писал, что у него есть подруга, – заявила миссис Смит, не меняя тона. – Никогда!

– Тише, мать, – вмешался Эрб. – Садитесь, мисс... Брэкнелл, верно?

– Сара, – благодарно уточнила она и села.

– Никогда! – повторила миссис Смит. – Мой мальчик любил Господа, но в последнее время, наверное, немного сбился с пути. Кара Господня всегда настигает неожиданно. Вот почему отступничество так опасно. Никому не суждено знать ни дня, ни часа...

– *Помолчи!* – опять вмешался Эрб. На них снова оглянулись, и он строго посмотрел на жену. Та с вызовом повернулась к нему, но он выдержал ее взгляд. Вера опустила глаза и закрыла Библию, однако ее пальцы все так же нервно перебирали страницы, будто ужасные бедствия, обрушившиеся на праведника Иова, могли укрепить ее и помочь пережить несчастье, случившееся с сыном.

– Вчера вечером мы были вместе, – сказала Сара, чем вызвала еще один осуждающий взгляд. Сара вдруг вспомнила, как толкует Библия словосочетание «быть вместе», и покраснела. Как будто эта женщина способна читать ее мысли. – Мы вместе ездили на окружную ярмарку...

– Средоточие зла и греха! – заявила Вера Смит.

– В последний раз прошу тебя помолчать, Вера! – решительно произнес Эрб и накрыл ладонью ее руки. – И я не шучу! Здесь сидит хорошая девушка, и я не позволю тебе цепляться к ней!

– Греховное место! – упрямо повторила Вера.

– Да перестанешь ты наконец?!

– Отпусти меня! Я хочу читать Библию!

Он отпустил. Сара чувствовала себя очень неловко. Вера снова открыла Библию и углубилась в чтение, шевеля губами.

– Вера очень страдает, – сказал Эрб. – Мы оба очень переживаем. И вы тоже, судя по вашему лицу.

– Да.

– Вы вчера хорошо провели время? – спросил он. – На ярмарке?

– Да. – Сара понимала, что этот простой ответ содержит одновременно и ложь, и правду. – Да, пока... я не отравилась сосиской или чем-то еще. Мы приехали на моей машине, и Джонни отвез меня в Визи. Меня очень сильно тошнило. Он вызвал такси. Обещал предупредить в школе, что я отравилась. И больше я не видела его.

К глазам подступили слезы. Сара не хотела плакать при них, особенно при Вере Смит, но сдержать слезы не удалось. Покопавшись в сумочке, она достала платок и прижала к глазам.

– Ну же, не надо. – Эрб обнял ее за плечи.

– Как же так?

Она уже плакала, не стесняясь, и ей даже показалось, что Эрб рад кого-то поддержать: его жена находила сомнительное утешение в жизнеописании Иова, где ее мужу не было места.

Посетители уже открыто разглядывали Сару и сквозь пелену слез, застилавших глаза, казались ей размытой толпой. Она понимала, что те думали.

Уж лучше она, чем я. Лучшие все они трое, чем я или мои близкие. Должно быть, парень не выживет, иначе чего бы ей так убиваться. Момент, когда выйдет доктор и, отозвав в сторону, сообщит им ужасную весть, всего лишь вопрос времени.

Саре удалось овладеть собой, и она перестала плакать. Миссис Смит сидела, замерев как вкопанная, будто увидела что-то ужасное, и не замечала ни слез Сары, ни желания своего мужа утешить ее. Она читала Библию.

– Пожалуйста, – умоляюще сказала девушка. – Что с ним? Есть ли хоть какая-то надежда?

Прежде чем Эрб успел ответить, послышался голос Веры, прозвучавший как приговор:

– Надеяться следует только на Господа, юная мисс!

Заметив тревогу в глазах Эрба, Сара подумала: *Он считает, что несчастье лишило ее разума. Может, так оно и есть.*

4

Долгий день близился к вечеру.

В третьем часу, когда закончились занятия в школе, в больницу потянулись ученики Джонни в дешевых куртках, странных шляпах и потертых джинсах. Среди них было мало таких, кто всегда выглядел опрятно и хорошо учился, намереваясь продолжить образование в колледже. Узнать, что с Джонни, в основном пришли длинноволосые бунтари.

Все подходили к Саре и тихо спрашивали, как Джонни. Она качала головой и отвечала, что сама ничего не знает. Одна из учениц, Дон Эдвардс, влюбленная в Джонни, заметила, что Сара очень напугана, и разрыдалась. Подошла медсестра и попросила ее уйти.

– Она сейчас успокоится. – Сара обняла девушку за плечи. – Дайте ей минутку.

– Нет, я не хочу оставаться здесь! – воскликнула Дон и бросилась из комнаты, налетев по дороге на пластиковый стул и опрокинув его со стуком. Потом Сара заметила, как Дон сидела на ступеньках под холодным октябрьским солнцем, уткнувшись лицом в колени.

Вера Смит продолжала читать Библию.

К пяти часам большинство учеников разошлись по домам. Дон тоже ушла, но Сара не заметила когда. В семь часов молодой врач с бейджиком «Доктор Стронс» на лацкане белого халата вошел в комнату ожидания и, окинув присутствующих взглядом, направился к ним.

– Мистер и миссис Смит?

Эрб тяжело вздохнул:

– Да. Это мы.

Вера захлопнула Библию.

– Пойдемте со мной.

Вот и все, подумала Сара. Сейчас их отведут в отдельную комнату и там все скажут. Так, как есть. Она останется ждать, а когда они пойдут обратно, Эрб наверняка ей все расскажет. Он ведь добрый и понимающий человек.

– У вас есть новости о моем сыне? – спросила Вера, близкая к истерике, громко и четко.

– Да. – Стронс взглянул на Сару. – Вы – родственница, мэм?

– Нет. Подруга.

– Близкая подруга, – пояснил Эрб, взяв ее под локоть сильной и теплой рукой. Другую он положил Вере на плечо. Потом помог им подняться. – С вашего разрешения, мы пойдем вместе.

– Конечно.

Он провел их по коридору мимо лифтов и остановился у двери с табличкой «Конференц-зал». Пригласив их войти, Стронс включил свет, и комнату с длинным столом и дюжиной офисных стульев залил яркий свет флуоресцентных ламп.

Доктор Стронс закрыл дверь, закурил сигарету и бросил спичку в пепельницу на столе.

– Трудно говорить об этом, – произнес он, будто обращаясь к себе.

– Тогда лучше не тянуть, – сказала Вера.

– Наверное, вы правы.

Понимая, что вопросы должна задавать не она, Сара все же не выдержала и спросила:

– Он жив? Только не говорите, что он умер...

– Он в коме. – Стронс сел и глубоко затянулся сигаретой. – У мистера Смита очень серьезное повреждение черепа, и мы не знаем, насколько поврежден мозг. Возможно, вы слышали о «субдуральной гематоме» в одной из передач на медицинские темы. У мистера Смита было очень сильное субдуральное кровоизлияние, заблокировавшее черепной кровоток. Чтобы снизить давление и извлечь из мозга осколки костей, потребовалась длительная операция.

Эрб тяжело опустился на стул – на его мясистом лице застыло выражение ужаса. Обратив внимание на его грубые и покрытые шрамами руки, Сара вспомнила, что он плотник.

– Бог был милостив к Джонни и сохранил ему жизнь! – воскликнула Вера. – Я знала, что так и будет! Я молилась, чтобы Господь подал знак! Да святится имя Его. И возблагодарим Его все вместе!

– Вера, – удрученно произнес Эрб.

– В коме, – повторила Сара. Она растерялась, не понимая, как отнестись к этому сообщению. То, что Джонни не умер и пережил опасную и длительную операцию на мозге, должно было вселить надежду. Однако никакого облегчения она не испытывала. Ей не нравилось слово *кома*. За ним скрывалось нечто зловещее и непостижимое. Кажется, по-латыни это означало «мертвый сон».

– Что его ждет? – спросил Эрб.

– Пока трудно сказать. – Стронс нервно постукивал сигаретой о край пепельницы. Сара подумала, что он нарочно отвечает на вопрос формально, избегая сущности дела. – Сейчас, конечно, мы искусственно поддерживаем его жизнедеятельность.

– Но вы должны что-то знать о шансах, – сказала Сара. – Должны знать...

Она беспомощно всплеснула руками.

– Он может выйти из комы в течение сорока восьми часов. Или недели. Или месяца. А может и вообще никогда не выйти. И нельзя исключать, что он умрет. Скажу вам честно, это наиболее вероятный исход. Он получил... очень большие травмы.

– Господь хочет сохранить ему жизнь, – заявила Вера. – Я знаю это!

Эрб закрыл лицо руками и медленно потер щеки.

Доктор Стронс посмотрел на Сару и смущенно пояснил:

– Я хочу, чтобы вы были готовы... к любому развитию событий.

– А вы можете сказать, каковы шансы на то, что он выйдет из комы? – спросил Эрб.

Доктор Стронс замялся и нервно затянулся сигаретой.

– Нет, не могу.

5

Все трое провели в больнице еще час, а потом ушли. На улице уже стемнело. Длинные волосы Сары развевались на сильном и пронизывающем ветру, гулявшем по автостоянке, и уже дома она заметила, что в них застрял желтый дубовый листок. По небу одиноко плыла унылая и холодная луна.

Сара сунула Эрбу листок бумаги со своим адресом и телефоном.

– Позвоните мне, если будут новости. Не важно какие...

– Конечно. – Он вдруг нагнулся и поцеловал ее в щеку.

– Мне очень жаль, что я разговаривала с вами так резко, милая, – мягко произнесла Вера. – Мне было очень плохо.

– Я все понимаю, – заверила ее Сара.

– Я боялась, что мой мальчик умрет. Но я молилась. И говорила об этом с Господом. Как поется в песне: «Если вдруг придут невзгоды и несчастья одолеют, обратись с молитвой к Богу – и на сердце потеплеет».

– Вера, нам пора, – сказал Эрб. – Нам надо поспать и узнать, как...

– Но теперь Господь подал мне знак, – продолжала Вера, мечтательно глядя на луну. – Джонни не умрет. Господь не допустит этого. Я услышала Его голос у себя в душе и теперь спокойна.

Эрб открыл дверцу машины.

– Поехали, Вера.

Она взглянула на Сару и улыбнулась. Сара сразу вспомнила такую же открытую и беззаботную улыбку Джонни, но эта показалась ей самой жуткой, какую она когда-либо видела.

– Господь осенил Джонни своей благодатью, – сказала Вера, – и теперь душа моя ликует.

– До свидания, миссис Смит. – Губы Сары едва шевелились.

– До свидания, Сара.

Эрб сел за руль и завел двигатель. Машина тронулась и выехала с парковки на Стейт-стрит. Только тут Сара сообразила, что забыла спросить, где они остановятся. Хотя, наверное, они еще и сами не знали.

Она подошла к своей машине и бросила взгляд на реку: в темных водах, похожих на шелк, отражалась луна. На стоянке больше никого не было. Сара подняла глаза и посмотрела на луну.

Господь осенил Джонни своей благодатью, и теперь душа моя ликует.

Луна висела на небе как аляповатая карнавальная игрушка, небесное «Колесо фортуны», где все подтасовано в пользу хозяина и, помимо обычного зера, есть еще и двойное. Сектор хозяина, сектор хозяина, все платят хозяину, ой-ё-ёй!

Ветер гонял по парковке опавшие листья. Сев за руль, Сара почувствовала себя очень одинокой и поняла, что потеряет Джонни. Ее охватил ужас, и по телу прокатилась дрожь. Наконец она собралась с силами, завела двигатель и поехала домой.

6

На следующей неделе от сообщества учащихся Кливс-Миллс поступило море открыток и пожеланий скорейшего выздоровления. Эрб Смит позже говорил Саре, что Джонни получил больше трехсот открыток. И в каждой были теплые слова и надежда на его выздоровление. Вера ответила на каждое послание запиской со словами благодарности и цитатой из Библии.

У Сары больше не было проблем с дисциплиной в классе. Ее внутреннее ощущение о нерасположении к ней школьной общественности сменилось прямо противоположным. Постепенно она поняла, что ребята видели в ней трагическую героиню – потерянную любовь мистера Смита. Эта мысль пришла Саре в голову в учительской во время перемены, в следующий четверг, и она сначала рассмеялась, но смех тут же перешел в истерические рыдания. Она испугалась себя. Во сне Сару постоянно преследовали кошмары, в которых Джонни или являлся в маске Джекила и Хайда, или стоял у «Колеса фортуны», а какой-то бестелесный голос все время повторял: «Мистер, мне нравится смотреть, как вы с ним разделяетесь!» Или Джонни говорил: «Все в порядке, Сара, теперь все хорошо», – а потом входил в комнату, и выше бровей у него не было головы.

Эрб и Сара остановились на неделю в гостинице, и Сара ежедневно встречалась с ними в больнице после обеда. Они терпеливо ждали вестей. Но ничего не происходило. Джонни лежал на шестом этаже в отделении интенсивной терапии, его жизнь поддерживали разные приборы, в том числе и искусственного дыхания. Доктор Стронс уже не выражал оптимизма. В пятницу Эрб позвонил Саре и сообщил, что они с Верой возвращаются домой.

– Она не хочет ехать, – сказал он, – но мне удалось образумить ее. Или так мне кажется.

– С ней все в порядке? – спросила Сара.

Повисла долгая пауза, и Сара решила, что задала бестактный вопрос. Наконец Эрб заговорил:

– Не знаю. А может, и знаю, но не хочу признаваться в том, что с ней не все в порядке. Она всегда была религиозной, но после перенесенных операций ее фанатизм усилился. После удаления матки. А теперь дело совсем худо. Она постоянно твердит о конце света. Она связывает аварию Джонни с Вознесением. Накануне Армагеддона Господь забирает всех истинно верующих на небо в их земном облике.

Сара вспомнила о наклейке на стекле однажды увиденного ею автомобиля: «Если Вознесение сегодня, пусть кто-нибудь заменит меня за рулем!»

– Я понимаю, о чем вы, – сказала она.

– Дело в том, – смущенно продолжал Эрб, – что она... поддерживает отношения с некоторыми группами... считающими, будто Господь явится к истинно верующим на летающей тарелке. Чтобы забрать их на небеса тоже на летающих тарелках. Эти секты... убеждают всех – по крайней мере не сомневаются сами, – что рай находится в созвездии Ориона. Только не спрашивайте меня, как они это вычислили. Вот Вера могла бы вам объяснить. Так что, Сара, сейчас мне довольно трудно.

– Я понимаю вас.

– Но она отличает мир реальный от воображаемого! – встрепнулся Эрб. – Вере нужно время, чтобы осознать случившееся. Я так и сказал ей. И что дома она может сделать это с таким же успехом, как и здесь. Я... – Откашлявшись, он продолжил: – Мне надо вернуться на работу. У меня есть обязательства...

– Ну конечно, – сказала Сара и, помолчав, спросила: – А что со страховкой? Лечение наверняка стоит безумных денег... – смущенно добавила она.

– Я разговаривал с мистером Пелсеном, заместителем директора школы. У Джонни был стандартный пакет «Голубого креста», покрывающий часть расходов по пребыванию в больнице, – пояснил Эрб. – Не эта новая штука по многосторонней медицинской страховке. Но нам с Верой удалось кое-что скопить.

У Сары защемило сердце. *Нам с Верой удалось кое-что скопить.* На сколько хватит их сбережений, если день пребывания в больнице стоит долларов двести, а то и больше? И чего ради? Чтобы поддерживать Джонни в состоянии растения, которое бездумно мочится в трубку и пускает по миру своих родителей? Чтобы он и дальше сводил мать с ума несбыточной мечтой о его выздоровлении? По щекам Сары потекли слезы, и она впервые подумала, что лучше бы Джонни умер и обрел вечный покой. Она ужаснулась этой чудовищной мысли, но та не исчезла.

– Я хочу, чтобы все у вас было хорошо, – сказала она.

– Я знаю, Сара. И мы желаем тебе того же. Ты будешь писать нам?

– Обязательно!

– И приезжай к нам в гости, когда получится. Паунал не так далеко. – Он помолчал. – По-моему, Джонни выбрал себе правильную девушку. У вас все было серьезно?

– Да, – подтвердила Сара, заливаясь слезами. Она вдруг заметила, что Эрб говорил о них в прошедшем времени. – У нас все было серьезно.

– До свидания, милая.

– До свидания, Эрб.

Сара повесила трубку и, поразмыслив, набрала номер больницы и справилась о Джонни. Никаких изменений. Поблагодарив реанимационную сестру, она повесила трубку и задумалась. Бог присылает флотилию летающих тарелок, чтобы забрать истинно верующих и доставить их на Орион. Смысла в этом было не больше, чем в безумном решении Господа сохранить жизнь лишенному разума Джону Смиту и погрузить его в вечную кому, конец которой положит только внезапная смерть.

Перед Сарой лежала стопка ученических сочинений. Она налила себе чаю и села проверять их. И если был момент, с которого начался отсчет ее нового периода жизни, уже после Джонни, то наступил он именно сейчас...

Глава четвертая

Убийца был скользким.

Он сидел на скамейке в городском парке возле эстрады, курил сигарету и напевал песню из «Белого альбома» «Битлз»: *Ты сам не понимаешь, как тебе повезло снова очутиться в СССР...*

Он еще не был убийцей, во всяком случае, пока. Но думал об убийстве очень давно. Мысли о нем неотступно преследовали его, но вовсе не тревожили, а, напротив, поднимали настроение. Время он выбрал правильно. И волноваться, что его поймут, никаких оснований нет. Как и по поводу прищепки. Потому что он хитрый.

Пошел небольшой снег. Все это происходило 12 ноября 1970 года, а за сто шестьдесят миль к северо-востоку от этого небольшого городка на западе штата Мэн лежал в коме Джон Смит.

Убийца осмотрел парк. Туристы, приезжавшие в Касл-Рок и Озерный край, часто называли его «общей землей». Но сейчас туристов здесь не было. Парк, утопавший летом в зелени, стал желтым и неживым и терпеливо дожидался, когда зима наконец вступит в свои права. На фоне светлого неба сверкали, переливаясь, замерзшие капли на покрытом ржавчиной проводном щите, ограждавшем «дом» – основную базу на играх Малой бейсбольной лиги. Эстрада для оркестра нуждалась в покраске.

В целом открывавшаяся взгляду картина не радовала глаз, но убийца не замечал этого. Внутри у него все пело, и он с трудом сдерживался, чтобы не пританцовывать, а пальцами так и хотелось пощелкать в такт. На этот раз его мечта наконец сбудется.

Раздав каблук окурков, он тут же закурил новую сигарету и взглянул на часы. 15:02. Он сел на скамейку и продолжил курить. Мимо прошли двое мальчишек, перекидывая друг другу мяч, но убийцу они не видели, потому что скамейки стояли в низине. Он подумал, что именно сюда приходят потаскуны, когда погода теплее. Он знал все о потаскунах и о том, чем они занимались. Ему рассказывала об этом мать, и он *видел* все сам.

При мысли о матери настроение немного испортилось. Однажды, когда ему было семь лет, мать неожиданно вошла к нему в комнату – она никогда не стучалась – и застала его за тем, как он игрался со своей «штучкой». Она чуть с ума не сошла. Он пытался объяснить ей, что в этом нет ничего такого. Ничего плохого. Он просто «встал». Он ничего для этого не делал, и тот «встал» сам по себе. А он сидел и постукивал по нему. Ничего особо интересного, даже скучно. Но мать чуть с ума не сошла.

Ты что, хочешь быть грязным потаскуном? – закричала она. Он даже не понимал, о чем она: слово «грязный» он знал, а другое слышал от старших мальчишек во дворе их школы. *Хочешь быть грязным потаскуном и подцепить заразу? Хочешь, чтобы у тебя оттуда тек гной? Чтобы он почернел? Чтобы сгнил? Ты этого хочешь?*

Она схватила его за плечи и начала трясти, а он разревелся от страха. Его мать, крупная и властная женщина, не терпела возражений, а он тогда не был убийцей и не был скользким – всего лишь маленький мальчик, ревущий от страха. Его «штучка» съезжилась и пыталась втянуться в тело.

Мать нацепила ему на «штучку» прищепку и заставила ходить с ней два часа, чтобы он знал, как опасны болезни.

Боль была дикая.

Он взглянул на часы. 15:07. Выбросил недокуренную сигарету и прислушался: кто-то приближался.

Он узнал ее. Это была Альма, Альма Фречетт из кофейни, расположенной через дорогу. Только что закончила смену. Он знал Альму и даже пару раз встречался с ней, и они ездили на Серенити-Хилл.

Она хорошо танцевала. Для потаскух это обычное дело. Он обрадовался, что идет именно Альма.

Она была одна.

Снова в СС... снова в СС... снова в СССР.

– Альма! – окликнул он и помахал рукой.

Вздвигнув от неожиданности, она обернулась и увидела его. Потом улыбнулась, подошла к нему и, сев скамейку рядом с ним, назвала по имени. Он, тоже улыбнувшись, поднялся. Он не боялся, что их увидят. Он был неприкасаемым. Настоящим суперменом!

– Почему ты так одет? – спросила она.

– Круто, верно? – Он усмехнулся.

– Ну-у, не знаю...

– Хочешь, я тебе кое-что покажу? – спросил он. – Ты такого точно никогда не видела!

– И что это?

– Пошли, увидишь сама.

– Пойдем.

Как все просто! Она поднялась с ним на эстраду. Если бы кто-то в это время шел мимо, он успел бы отказаться от своих намерений. Но в парке никого не было. Никаких прохожих. Весь парк в их полном распоряжении. Из свидетелей только светлое небо над головой. Альма была невысокого роста, светловолосая. Он не сомневался, что крашеная. Все потаскухи красят волосы.

Он повел ее по эстраде, и их шаги гулко разносились по деревянному настилу. В углу валялся пюпитр, а рядом пустая бутылка из-под виски. Да, это место было точно тем самым, куда водили потаскух.

– И что? – спросила она, ничего не понимая и начиная нервничать.

Убийца весело улыбнулся и показал ей пальцем на валявшийся пюпитр.

– Слева от него. Видишь?

На досках лежал использованный презерватив, напоминавший сброшенную змеиную кожу.

Альма скривилась и резко повернулась, чтобы уйти, но налетела на убийцу.

– Не смешно...

Он схватил ее и толкнул назад.

– Куда это ты собралась?

Ее взгляд стал настороженным и испуганным.

– Дай мне пройти! Иначе сильно пожалеешь. У меня нет времени на идиотские шутки...

– Это не шутка! Совсем не шутка, грязная потаскуха!

Наконец-то он произнес эти слова вслух и назвал ее настоящим именем! Его захлестнула радость, и мир вокруг закружился.

Альма вырвалась и бросилась к низким перилам по периметру эстрады, рассчитывая перескочить через них. Убийца ухватил ее сзади, за воротник дешевенького пальто, и рванул к себе. Нитки на шве с треском лопнули, и Альма открыла рот, чтобы закричать.

Он зажал ей рот рукой, придавив губы к зубам, и почувствовал, как по ладони потекла теплая кровь. Она отчаянно колотила его, и ей никак не удавалось зацепиться за его одежду, чтобы устоять, потому что он был...

Скользким!

Он швырнул ее на пол и убрал ладонь ото рта, перемазанного кровью. Она снова хотела закричать, но он с размаху упал на нее, ухмыляясь и тяжело дыша, и воздух со свистом

вырвался из легких Альмы. Теперь, уже ощутив его возбуждение, она не пыталась кричать и только отбивалась, норовя вцепиться в его одежду, но пальцы соскальзывали. Он грубо раздвинул ей ноги и оказался между ними. Альма ударила его, угодив в переносицу, отчего на глазах убийцы выступили слезы.

– Ах ты, потаскуха! – прошипел он, сжимая пальцы у нее на горле. Он душил Альму, отрывая ее голову от дощатого пола и с силой опуская вниз. Ее глаза закатились, лицо сначала порозовело, потом стало красным и, наконец, побагровело. Сопротивление ослабло.

– Потаскуха, потаскуха, потаскуха! – хрипло выкрикивал убийца. Теперь он стал настоящим убийцей, и тело Альмы Фречетт уже никогда и никого не будет смущать на Серенити-Хилл. Ее глаза вылезли из орбит, как у дурацких кукол, которыми торговали на аллеях ярмарки. Убийца тяжело дышал. Руки Альмы безвольно лежали на дощатом полу, а его пальцы, впившиеся в ее горло, почти исчезли из виду.

Он ослабил хватку, готовый снова сжать пальцы, если она пошевелится. Но Альма не шевелилась. Через мгновение убийца трясущимися руками распахнул на ней пальто и задрал юбку.

Светлое небо равнодушно смотрело на парк Касл-Рока, по-прежнему пустынный. Тело задушенной и изнасилованной Альмы Фречетт нашли только на следующий день. По версии шерифа, преступление совершил какой-то заезжий мерзавец. Об убийстве написали газеты штата, и жители Касл-Рока признали, что шериф прав – никто из местных парней на такое зверство не способен.

Глава пятая

1

Эрб и Вера Смит вернулись в Паунал и попытались наладить жизнь. В декабре Эрб закончил ремонт дома в Дареме. Как и предполагала Сара, их сбережения таяли на глазах, и им пришлось обратиться за помощью, предоставляемой государством гражданам в чрезвычайных ситуациях. Само осознание этого состарило Эрба почти так же, как и авария, в которую попал его сын. Эрб считал программу помощи эвфемизмом милостыни или благотворительности. Всю жизнь много и честно работая, он не предполагал дожить до того дня, когда ему придется полагаться на помощь государства. Но такой день наступил.

Вера подписалась еще на три журнала, и почта регулярно доставляла их. Все они издавались на дешевой бумаге и с такими иллюстрациями, будто их рисовали дети. «Божьи летающие тарелки», «Грядущее Преображение» и «Духовные чудеса Господа». «Высшие силы» тоже по-прежнему приходили, но иногда лежали нечитаными по три недели, зато свои новые журналы Вера зачитывала до дыр. Она находила, что очень многое в них имеет прямое отношение к несчастью с Джонни, и во время ужина зачитывала соответствующие выдержки усталому мужу пронзительным голосом, дрожавшим от экзальтации. Эрб все чаще и чаще просил ее помолчать, а порой даже срывался на крик, требуя избавить его от этой чуши и оставить в покое. Тогда Вера, бросив на него обиженный взгляд, удалялась наверх, чтобы продолжить свои исследования. Она вступила в переписку с редакциями этих журналов и обменивалась письмами с авторами публикаций и другими их собратьями по перу, разделявшими ее взгляды.

Как и сама Вера, большинство ее корреспондентов были вполне добросердечными людьми, желавшими помочь ближним и облегчить невыносимую боль. Они посылали ей молитвы и амулеты, обещали помолиться за Джонни на ночь. Однако встречались и мошенники, и Эрба тревожила неспособность жены распознать их. Ей предложили купить щепку с креста, на котором распяли Сына Божьего Иисуса Христа, всего за 99,98 доллара. Или пузырек с водой из чудотворного источника в Лурде, уверяя, что вода наверняка поможет Джонни очнуться, стоит лишь смочить ему лоб. Стоил пузырек доллар и десять центов, не считая почтовых расходов. Дешевле (и потому привлекательнее для Веры) было только постоянное проигрывание пленки с записью двадцать третьего псалма и молитвы «Отче наш» в исполнении Билли Гумбарра, миссионера с Юга. В рекламной брошюре утверждалось, что проигрывание записи у постели Джонни в течение нескольких недель обязательно приведет к чудесному исцелению.

В качестве дополнительного благословения (только на короткое время) к приобретенной записи прилагалась фотография самого Билли Гумбарра с автографом.

Эрб все чаще вмешивался, поскольку страсть Веры к этим псевдорелигиозным атрибутам усиливалась. Иногда он тайком рвал выписанные ею чеки или намеренно занижал остаток на счете, но если просили только наличные, ему приходилось проявлять характер. Постепенно Вера стала отдаляться от мужа и считать его неверующим грешником.

2

Сара Брэкнелл продолжала работать в школе и по утрам ездила на занятия. Но остальная часть дня мало чем отличалась от того, что происходило после разрыва с Дэном: она жила в ожидании перемен.

Переговоры в Париже зашли в тупик. Несмотря на рост протестов как внутри страны, так и за рубежом, Никсон приказал продолжить бомбардировки Ханоя. На пресс-конференции он предъявил фотографии, «убедительно доказывавшие», что американские самолеты не бомбили северовьетнамские больницы, но сам передвигался повсюду только на армейском вертолете.

Расследование убийства в Касл-Роке зашло в тупик после того, как подозреваемого в нем бродячего художника, который в свое время провел три года в больнице для душевнобольных, выпустили на свободу: вопреки ожиданиям его алиби полностью подтвердилось.

Дженис Джоплин все с тем же надрывом исполняла блюзы.

Законодатели мод в Париже второй год подряд безуспешно пытались увеличить длину юбок.

Обо всем этом Сара смутно знала, будто случайно услышала голоса из соседней комнаты, где проходила какая-то вечеринка.

Выпал первый снежок, потом еще немного, а за десять дней до Рождества разыгралась такая метель, что отменили занятия в школе, и Сара осталась дома. Она сидела у окна и смотрела на летящий снег, устилавший Флэгг-стрит белым ковром. Ее короткий роман с Джонни – хотя и романом-то назвать его было нельзя – теперь уже стал частью минувшего времени года, и Сара чувствовала, как он постепенно отдаляется от нее. Ей было не по себе, словно она медленно погружалась в воду и тонула. Тонула в днях.

Сара много прочитала о черепных травмах, комах и повреждениях мозга. Полученные сведения не внушали оптимизма. Сара узнала о девочке из маленького городка в Мэриленде, пролежавшей в коме шесть лет. О молодом парне из английского Ливерпуля, который работал в доках и, впад в кому на шестнадцать лет после удара крюком портового крана, в этом же состоянии и скончался. Постепенно у этого крепкого молодого парня атрофировались все центры, отвечавшие за связь с внешним миром, волосы выпали, зрительные нервы за закрытыми веками превратились в жижу, а из-за укоротившихся связок тело приняло позу эмбриона. Вскрытие показало, что во фронтальной и префронтальной коре мозг уже не имел никаких извилин и был практически гладким.

О, Джонни, как же это несправедливо! – думала Сара, наблюдая за кружившими снежинками, которые покрывали белым саваном прошедшее лето и золотую осень. *Это несправедливо! Тебя не должны удерживать насильно.*

Каждые десять дней или две недели она получала письмо от Эрба Смита: у Веры были свои друзья по переписке, у него – свои. Он писал широким размашистым почерком, пользуясь по старинке авторучкой.

Мы оба живы и здоровы. Ждем новостей, как наверняка и ты. Да, я тоже покопался в книгах и понимаю, о чем ты тактично стараешься умалчивать в письмах, Сара. Перспективы вовсе не радужные. Но мы все равно не теряем надежды. Я не верю в Бога так, как Вера, но свои соображения на этот счет у меня все же есть: почему он не позволил Джонни умереть сразу, если решил не оставлять его в живых? Может, для этого есть особая причина? Не знаю, но мы продолжаем надеяться.

Потом пришло еще одно письмо.

В этом году мне приходится заниматься рождественскими подарками самому, потому что Вера считает это греховным обычаем. Именно это я и имею в виду, когда говорю, что с ней становится все труднее. Она всегда считала Рождество святым днем, а не праздником, а если бы увидела, что я написал это слово с маленькой буквы, то, наверное, застрелила бы меня как конокрада во времена освоения Запада. Вера всегда говорила, что Рождество

– это праздник рождения Иисуса, а не Санта-Клауса, но раньше это никогда не мешало ей покупать подарки. Она даже любила это. А теперь постоянно твердит, какой это грех. Люди, с которыми Вера постоянно переписывается, внушают ей самые странные мысли. Господи, как же мне хочется, чтобы она снова стала нормальной. А в остальном с нами все в порядке.
Эрб.

На Рождество Сара получила открытку, над которой даже всплакнула:

Желаем тебе всего самого наилучшего, и если захочешь навестить двух «старых чудаков» на праздник, то гостевая спальня в твоём полном распоряжении. У нас с Верой все в порядке. Надеюсь, Новый год принесет нам всем радость, даже уверен в этом.
Эрб и Вера.

Сара не поехала в Паунал на Рождество. Отчасти потому, что погружение Веры в свой собственный мир неуклонно продолжалось, о чем свидетельствовали письма Эрба. Отчасти же потому, что уже не чувствовала такой тесной связи с родителями Джонни. Неподвижная фигура на больничной кровати в Бангоре некогда очень сблизила их, а теперь Сара смотрела на Джонни будто с неправильной стороны телескопа – он стал крошечным и очень далеким. Поэтому она и не поехала.

Наверное, Эрб тоже почувствовал это, и его письма стали приходить все реже и реже. В одном из них он почти открыто написал, что Саре уже пора подумать о себе: при такой красоте желающих пригласить ее на свидание наверняка найдется немало.

Но она никуда и ни с кем не ходила. Не хотела. Джин Седекки – тот самый учитель математики, что приставал к Саре на свидании тысячу лет назад, – постоянно приглашал ее встретиться, причем первое приглашение последовало неприлично быстро после катастрофы с Джонни. Джин оказался очень настырным, и Сара уже начала подумывать, что его настойчивость рано или поздно увенчается успехом. Этого следовало ожидать.

Иногда приглашали ее и другие мужчины. Один из них, студент-юрист Уолтер Хазлетт, понравился ей. Они познакомились на вечеринке, устроенной Энн Страффорд в канун Нового года. Сара предполагала пробыть там недолго, но задержалась и почти весь вечер проговорила с Хазлеттом. Хотя отказать ему в свидании было крайне трудно, она все-таки отказала, отлично понимая, чем именно он ее привлек: Уолт Хазлетт, высокий мужчина с копной каштановых волос и ироничной улыбкой, сильно походил на Джонни. Но заводить отношения с мужчиной только потому, что он напоминал о другом, было неправильно.

В начале февраля Сару пригласил на свидание механик, который чинил ее машину в городском автосервисе «Шеврон». Она уже было согласилась, но потом все же отказала. В Арни Тремонте, высоком, смуглом, статном и улыбчивом, было что-то хищное. Он напоминал Саре Джеймса Бролина, игравшего одну из главных ролей в сериале «Доктор Маркус Уэлби». А еще больше – Дэна.

Лучше подождать. И посмотреть, что будет дальше.

Но дальше ничего не изменилось.

3

Летом 1971 года минуло шестнадцать лет с тех пор, как Грег Стилсон, торговавший Библиями, забил ногами до смерти пса на захолустной ферме в Айове. Теперь он сидел в офисе своей недавно зарегистрированной фирмы по страхованию и сделкам с недвижимостью в Риджуэе, штат Нью-Хэмпшир. Грег стал солиднее, но внешне мало изменился за эти годы. Вокруг глаз появилась сеточка морщин, волосы стали чуть длиннее, правда, он по-прежнему

стригся довольно коротко, чтобы прическа выглядела консервативной. Грег был крупным мужчиной, и вращающееся кресло жалобно попискивало под ним.

Он курил сигарету и с любопытством натуралиста, столкнувшегося с неизвестным науке существом, разглядывал мужчину, который удобно развалился перед ним в кресле напротив.

– Увидели что-то забавное? – осведомился Санни Эллиман, очень высокий человек – шести футов пяти дюймов. Его старая, перепачканная джинсовая куртка с отрезанными рукавами и пуговицами была надета на голое тело. На груди его висел черный нацистский железный крест. Пряжку ремня под свисающим животом украшал череп, вырезанный из слоновой кости. Из-под потертых джинсов выглядывали тупые носки тяжелых армейских ботинок. Спутанные грязные волосы спускались до плеч, блестя от пота и машинного масла. Из мочки одного уха торчала сережка в виде свастики – тоже черной и в сверкающем хроме обрамлении. На толстом пальце он раскачивал мотоциклетный шлем. На спине куртки был изображен ухмыляющийся дьявол, высунувший язык, а сверху шла надпись: «Чертова дюжина» – и под ней: «Санни Эллиман, президент».

– Нет, – ответил Грег Стилсон. – Я не вижу ничего забавного, но зато наблюдаю человека, подозрительно смахивающего на ходячего кретина.

Эллиман напрягся, но тут же расслабился и рассмеялся. Несмотря на грязь, сильный запах пота и нацистскую атрибутику, в его темно-зеленых глазах светился интеллект и даже чувство юмора.

– Называй кем хочешь, – сказал он. – Меня этим не проймешь. Сейчас на твоей улице праздник.

– Так ты понимаешь это?

– Конечно! Я оставил своих ребят в Хэмптоне и приехал один. Сам виноват. – Он улыбнулся. – Но если мы когда-нибудь поменяемся местами, надеюсь, твои почки выдержат знакомство с армейскими ботинками.

– Я не спешил бы с выводами. – Грег оценивающе оглядел Эллимана. Оба были крупными, и тот весил фунтов на сорок больше, но в основном за счет жира. – Я сделал бы тебя, Санни.

Лицо Эллимана расплылось в добродушной улыбке.

– Может, и так. А может, и нет. Но мы играем по-другому, совсем не так, как старина Джон Уэйн. – Он подался вперед, будто собирался поделиться каким-то секретом. – Лично я, если вижу что-то хорошее, меня так и тянет наложить сверху кучу.

– Последи за языком! – посоветовал Грег.

– Чего тебе надо? – спросил Санни. – Давай сразу к делу! А то опоздаешь на заседание Молодежной палаты⁶.

– Не опоздаю, – заверил его Грег. – Эти встречи проходят по вторникам. Так что у нас куча времени.

Эллиман с досадой присвистнул.

– Я подумал о том, чего тебе надо от меня, а не наоборот. – Грег открыл ящик стола и достал три пластиковых пакетика с марихуаной. В конопляной смеси проглядывали капсулы. – Это было в твоём спальном мешке. Очень, очень, очень плохо. Ты – настоящий преступник, Санни. И, как в игре «Монополия», тебе выпало не поле «Вперед» с получением двухсот долларов, а тюрьма штата Нью-Хэмпшир.

– У тебя не было ордера на обыск, – заметил Эллиман. – Даже начинающий адвокат снимет меня с крючка, и ты это знаешь.

⁶ Молодежная палата США – неправительственная организация, которая занимается развитием у граждан в возрасте от 18 до 40 лет лидерских качеств, социальной ответственности, чувства товарищества и духа предпринимательства, необходимых для изменения мира к лучшему.

– Нет, не знаю. – Грег Стилсон, откинувшись на спинку кресла, водрузил на стол ноги в легких кожаных туфлях, купленных в дорогом спортивном магазине в соседнем штате Мэн. – В этом городе я большой человек, Санни. Я приехал в Нью-Хэмпшир несколько лет назад без гроша в кармане, а теперь у меня здесь процветающий бизнес. Я помог городскому совету решить пару проблем, в частности то, что делать с молодежью, застигнутой полицией с наркотиками. Я, конечно, не имею в виду заезжих бродяг вроде тебя, Санни, – с такими, как ты, нам известно, что делать, если мы находим у них сокровища вроде тех, которые лежат у меня на столе. Я имею в виду хороших местных ребят. К ним отношение у нас особое, и отправлять их за решетку ни у кого желания нет. И я нашел выход. Пусть вместо тюрьмы потрудятся на общественных работах! И все получилось! Теперь у нас самые лучшие площадки в округе для игр Малой бейсбольной лиги, и мы на этом неплохо зарабатываем.

Эллиман всем своим видом выказывал скуку. Внезапно Грег опустил ноги на пол и, схватив стоявшую сбоку вазу с логотипом университета штата, с силой швырнул ее вперед. Она просвистела в дюйме от носа Эллимана и разлетелась на мелкие осколки, разбившись о стоявший в углу картотечный шкаф. На лице Эллимана застыло выражение испуга, а Грег Стилсон, который за прошедшие годы стал взрослее и солиднее, на миг превратился в того молодого парня, что забил насмерть собаку.

– Когда я говорю, нужно слушать, – заметил он. – Потому что речь идет о твоём будущем в предстоящие десять примерно лет. И если не хочешь, чтобы оно свелось к штамповке надписей на номерных знаках типа «Живи свободным или умри», то слушай внимательно. Представь, что это твой первый день в школе, Санни, а в первый день все хотят быть пайнками.

Посмотрев на осколки разбитой вазы, Эллиман перевел взгляд на Стилсона. От его напускного спокойствия не осталось и следа – теперь ему было по-настоящему интересно. Он давно уже ни к чему не испытывал искреннего интереса. Санни сам поехал за пивом, чтобы хоть как-то развеяться. И никого с собой не взял, потому что все надоели. И когда этот крупный парень включил «мигалку» на приборной доске своего универсала и остановил его, Санни Эллиман принял его за местного помощника шерифа, защищавшего свой провинциальный городок от нежеланного вторжения нехорошего байкера на крутом «харлее-дэвидсоне». Но этот парень оказался другим. Он...

Настоящий псих! – вдруг сообразил Санни, радуясь своей проницательности. *У него в рамках на стене висят две благодарности за служение обществу, фотографии встреч с ротарианцами⁷ и активистами «Лайонс клубс интернэшнл»⁸. Он вице-президент местного отделения Молодежной палаты и на будущий год станет президентом, а на самом деле он – настоящий псих!*

– Ладно, – сказал он. – Я слушаю.

– Моя карьера не всегда складывалась удачно, – продолжил Грег. – Было всякое: и хорошее, и плохое. Пару раз даже имел проблемы с законом. Я к тому, Санни, что у меня нет к тебе предвзятого отношения. В отличие от других местных. Те знают из газет штата, что ты и твои приятели-байкеры устроили этим летом в Хэмптоне, и готовы вас кастрировать тупым лезвием бритвы.

– «Чертова дюжина» здесь ни при чем, – возразил Санни. – Мы приехали из Нью-Йорка, чтобы провести немного времени на побережье. Типа отдохнуть. Мы не громим бары. К этому приложили руку «Ангелы ада» и «Черные всадники» из Нью-Джерси, но знаешь, кто устроил все на самом деле? Студенты колледжей! – Губы Санни скривились. – Но газеты об этом ни за что не напишут! Им проще свалить все на нас, чем на Сьюзи или Джима.

⁷ «Ротари интернэшнл» – международная организация бизнесменов и профессионалов, объединенных идеей служения обществу.

⁸ «Лайонс клубс интернэшнл» – международное объединение общественных благотворительных организаций-клубов, осуществляющих различные гуманитарные проекты.

– Вы ведь куда колоритнее, – мягко объяснил Грег. – А издатель крупнейшей газеты штата «Юнион-клуб», Уильям Лоуб, терпеть не может байкерских клубов.

– Лысый ублюдок! – пробормотал Санни.

Грег открыл ящик стола и вытащил плоскую полулитровую фляжку с виски.

– За это надо выпить! – Он откинул крышку и выпил, не отрываясь, половину содержимого фляжки. Его глаза увлажнились, и, отдышавшись, он протянул фляжку Санни. – Будешь?

Тот опорожнил ее, чувствуя, как от живота к горлу поднимается теплая волна.

– Совсем другое дело! – удовлетворенно заметил Санни.

Грег запрокинул голову и расхохотался.

– Мы поладим, Санни. Чувствую, что поладим.

– Так чего тебе нужно? – спросил байкер, держа пустую фляжку.

– Ничего... по крайней мере сейчас. Но у меня такое чувство... – Лицо Грега выразило озадаченность. – Я говорил, что стал большим человеком в Риджуэе. В следующем году буду баллотироваться на пост мэра и обязательно стану им. Но это...

– Только начало? – подсказал Санни.

– Это – первый шаг, – задумчиво подтвердил Грег. – Я решаю проблемы. И люди это знают. И я делаю свое дело хорошо. Я чувствую, что впереди меня ждет великое будущее. По-настоящему великое. Но я... в общем... Понимаешь?

Санни пожал плечами.

– Есть такая притча, Санни. Про мышь, которая вытащила занозу из лапы льва в благодарность за то, что тот не съел ее за несколько лет до этого. Слышал?

– Наверное, в детстве.

Грег кивнул.

– Так вот, сейчас у нас как раз «за несколько лет до этого», чем бы это ни оказалось. – Он подтолкнул пластиковые пакеты через стол. – Я не стану тебя есть. Хотя мог бы. И никакой начинающий адвокат тебя не вытащил бы. В этом городе, всего за двадцать миль от Хэмптона с его волнениями, тебя не вытащил бы даже такой адвокат, как Кларенс Дарроу. Наши милые жители с удовольствием отправили бы тебя за решетку.

Эллиман не ответил, понимая, что Грег скорее всего прав. Наркотиков-то было на пару косяков, но добропорядочные родители всяких Сьюзи и Джимов с удовольствием отправят его дробить щебенку в Портсмут с наголо обритой головой.

– Я не стану тебя есть, – повторил Грег. – И надеюсь, что, если через несколько лет у меня в лапе появится заноза... или откроется вакансия, ты об этом еще будешь помнить. Так ведь?

Благодарность не входила в ограниченный набор человеческих качеств Санни Эллимана, а вот любопытство входило точно. И этот человек определенно вызывал его. Безумная искорка в глазах Грега могла означать что угодно, но только не скуку.

– Кто знает, где мы окажемся через несколько лет, – пробормотал он. – Нас и в живых-то может не быть!

– Просто помни об этом. На большее я не рассчитываю.

Санни бросил взгляд на осколки.

– Я не забуду.

4

Миновал 1971 год. Отгремели волнения на побережье Нью-Хэмпшира, а недовольство пострадавших предпринимателей приглушили разбухшие банковские счета. Никому не известный Джордж Макговерн вдруг выдвинул свою кандидатуру в президенты до смешного рано. Все, кто хоть как-то следил за политикой, понимали, что кандидатом от демократов будет

Эдмунд Маски, и некоторые даже не сомневались в его безоговорочной победе над Троллем из Сан-Клементе – так называли Ричарда Никсона.

В начале июня, перед самым окончанием учебного года, Сара снова встретилась с молодым студентом-юристом. Она зашла в магазин купить тостер, а он искал подарок на годовщину свадьбы родителей. Он сказал, что собирается в кино на новый фильм с Клинтом Иствудом «Грязный Гарри», и спросил, не составит ли Сара ему компанию. Она согласилась, и они отлично провели время. Уолтер Хазлетт отрастил бороду и больше не походил на Джонни. По правде говоря, Сара уже начала забывать, как выглядел Джонни. Она ясно видела его только во снах: он стоял перед «Колесом фортуны» и наблюдал, как оно вращается. Лицо его было холодным, а потемневшие и казавшиеся фиолетовыми глаза, немного пугавшие Сару, следили за движением колеса, как за добычей в охотничьих угодьях.

Она начала встречаться с Уолтом. С ним было легко. Он ни на чем не настаивал, а если и хотел чего-то, то добивался своего постепенно, так что это было незаметно. В октябре Уолт спросил, может ли купить ей колечко с бриллиантом для обручения. Сара обещала ответить после выходных. В субботу вечером она отправилась в больницу и, получив специальный пропуск, прошла в отделение интенсивной терапии. Сара провела час у кровати Джонни. В темноте на улице завывал ветер, предвещая холод, снег и мертвый сезон. Через шестнадцать дней будет ровно год с тех пор, как они посетили ярмарку, играли на «Колесе фортуны», и все это закончилось аварией у болот.

Прислушиваясь к завываниям ветра, Сара смотрела на Джонни. Бинты уже сняли. Над правым глазом начинался шрам, терявшийся в волосах. В этом месте прядь поседела, совсем как у персонажа детективных историй Коттона Хоуза из 87-го полицейского участка. Саре показалось, что внешне Джонни совсем не изменился, разве что похудел. Обычный молодой человек, которого она едва знала, крепко спал.

Сара наклонилась и поцеловала его в губы, будто от поцелуя он мог очнуться, как в известной сказке. Но Джонни продолжал спать.

Она ушла, вернулась в свою квартирку в Визи, бросилась на кровать и заплакала под завывания ветра, кружившего за окном желтые и красные листья. В понедельник Сара сказала Уолту, что если он хочет купить ей колечко с маленьким бриллиантом – только действительно маленьким, – она будет счастлива и станет с гордостью носить его.

Таким был 1971 год для Сары Брэкнелл.

В начале 1972 года Эдмунд Маски не сдержал слез, произнося пылкую речь возле офиса газетчика, которого Санни Эллиман назвал «лысым ублюдком». Джордж Макговерн неожиданно победил на праймериз, и Лоуб злорадно заявил в «Юнион-клуб», что жители Нью-Хэмпшира недолюбливают слюнтяев. В июле Макговерна избрали кандидатом в президенты от демократической партии. В том же месяце Сара Брэкнелл стала Сарой Хазлетт. Они с Уолтом обвенчались в Первой методистской церкви Бангора.

А в двух милях от церкви Джонни Смит лежал в забытии. В самый разгар свадебного торжества, когда Уолт поцеловал Сару на глазах собравшихся родных и друзей, она вдруг вспомнила о *Джонни* и содрогнулась: перед ней словно воочию предстала маска – наполовину Джекил, наполовину злобный Хайд. Сара испуганно замерла в объятиях Уолта, но видение тут же исчезло.

Подумав и обсудив это с Уолтом, она пригласила на свадьбу родителей Джонни. Эрб приехал один, и на банкете Сара спросила его, все ли в порядке с Верой.

Он оглянулся и, убедившись, что за ними никто не наблюдает, быстро допил остатки виски с содовой из своего бокала. Сара заметила, что за последние полтора года он сильно постарел. Волосы поредели, а морщины стали глубже. Теперь Эрб носил очки, смущаясь, как и всякий, кому они в новинку, – и глаза за тонкими стеклами выражали настороженность и горечь.

– Нет, Сара, с ней не все в порядке. Сейчас она в Вермонте. Ждет конца света.

– *Что?!*

Эрб рассказал, что последние полгода Вера переписывалась с группой, состоящей примерно из десяти человек. Они называли себя «Американским обществом последних дней». Ими руководили мистер и миссис Гарри Стонкерс из Расина, штат Висконсин. Эта парочка утверждала, что они пошли полюбоваться природой, и там их подобрала летающая тарелка и доставила на небо, но не в созвездие Ориона, а на планету, похожую на Землю. Она вращается вокруг Арктура – самой яркой звезды в созвездии Волопаса. Там они общались с ангелами и видели рай. Стонкерсы сообщили, что конец света совсем близок. Их наделили даром телепатии и отправили на Землю подобрать несколько истинно верующих для первого челночного рейса. И вот десять таких человек собрались вместе, купили ферму к северу от Сент-Джонсбери и живут там уже около семи недель в ожидании прибытия летающей тарелки.

– Это похоже на... – Сара осеклась.

– Я знаю, на что это похоже, – сказал Эрб. – На безумие. Они заплатили за ферму девять тысяч долларов, а там только полуразвалившийся дом и пара акров необработанной земли. Вера заплатила семьсот долларов – все, что удалось наскрести. Остановить ее было невозможно... разве что похоронить заживо. – Он помолчал и улыбнулся. – Но это не тема для разговора в такой день. Ты и твой избранник будете счастливы. Уверен.

Сара с трудом улыбнулась:

– Спасибо, Эрб. Ты... то есть ты думаешь, что она...

– Вернется домой? О да! Если до холодов конца света не будет, думаю, она вернется.

– Мне так хочется, чтобы все у вас было хорошо! – Сара обняла его.

5

На ферме в Вермонте не было отопления, и поскольку летающая тарелка так и не появилась к концу октября, Вера вернулась домой. Она объяснила, что тарелка не прилетела, потому что они еще не вполне очистились от своих земных грехов. Вера, охваченная воодушевлением, была в приподнятом настроении; ей привиделось во сне, что она не улетит на летающей тарелке, а останется на Земле, ибо должна наставить сына на путь истинный, когда он очнется от забвения.

Эрб заботился о ней, и жизнь их потекла своим чередом. Джонни лежал в коме уже два года.

6

Никсона переизбрали президентом на второй срок. Американские парни возвращались домой из Вьетнама. Волтер Хазлетт собирался стать адвокатом и ночи напролет штудировал право, а Сара продолжала работать в школе. Ученики, которых она помнила еще неуклюжими и глупыми, за эти два года сильно изменились. У девушек появилась грудь, а хлипкие растерянные мальчишки теперь стали звездами баскетбольной команды школы.

Началась и закончилась вторая арабо-израильская война. Сначала ввели, а потом отменили эмбарго на поставку нефти. Цены на бензин резко взлетели и впоследствии не опустились. Вера Смит теперь не сомневалась, что Христос явится на землю с Южного полюса. Ее уверенность основывалась на сведениях, почерпнутых из брошюры «Тропическое подземелье Бога» (семнадцать страниц за четыре с половиной доллара). Невероятное открытие автора заключалось в том, что рай находится прямо у нас под ногами, а самый простой доступ туда – на Южном полюсе. Один из разделов брошюры назывался «Экстрасенсорные ощущения исследователей Южного полюса».

Эрб напомнил Вере, что еще год назад она считала, будто небеса где-то в космосе и скорее всего вращаются вокруг Арктура.

– На мой взгляд, – заметил он, – это гораздо правдоподобнее, чем рассказы насчет Южного полюса. Да и в Библии сказано, что рай находится на небесах. А тропическая область под землей...

– Прекрати! – оборвала его Вера. – Не смей насмехаться над тем, чего тебе не дано понять.

– У меня и в мыслях не было насмехаться, Вера.

– Господу известно, отчего неверующие насмехаются, а язычники приходят в ярость! – В глазах Веры вспыхнул знакомый ее мужу фанатичный огонь.

Они сидели на кухне. Эрб возился со старой водопроводной муфтой, а перед Верой лежала стопка давнишних номеров «Нэшнл джиографик»: она искала в них фотографии Южного полюса и статьи о нем. На дворе стоял октябрь; по небу с запада на восток неслись облака; с деревьев опадала листва. В октябре у Веры всегда наблюдалось ухудшение: глаза горели фанатизмом чаще и дольше. И в октябре Эрба постоянно посещали мысли о том, как хорошо было бы исчезнуть. Он устал и от невменяемой жены, и от сына, ничем не отличавшегося от живого трупа. Эрб крутил в руках муфту, смотрел на беспокойное небо и думал.

Я мог бы собрать вещи, бросить их в кузов пикапа и уехать. Может, во Флориду. Или в Небраску. Или в Калифорнию. Хороший плотник всегда найдет, где прилично заработать. Просто взять и уехать.

Он знал, что никогда так не поступит. Но в октябре его одолевала мысль об этом так же, как Веру – поиски нового пути к Иисусу и спасение единственного сына, которого Господь позволил ей выносить до удаления матки.

Эрб потянулся через стол и взял Веру за руку – такую тонкую и хрупкую, совсем как у старушки. Она удивленно подняла глаза.

– Я очень люблю тебя, Вера.

Она улыбнулась и на мгновение снова превратилась в ту самую девчонку, за которой Эрб ухаживал и которой добился. В ту самую, что шутливо отбивалась от него расческой в первую брачную ночь. Снаружи вдруг выглянуло солнце, и на поле позади дома появились длинные тени.

– Знаю, Эрб. И я тоже тебя люблю.

Он накрыл ладонями ее руки.

– Вера!

– Да?

Ее глаза были такими чистыми! Она вдруг снова стала прежней Верой, его Верой, прежней *во всем*, и Эрб осознал, как сильно они отдалились друг от друга за последние три года.

– Вера, а если он никогда не очнется... Боже упаси, конечно, но все же... Мы всегда будем вместе, правда? Я хочу сказать...

Она выдернула руку, и его ладони упали на стол.

– Никогда так не говори! Никогда не говори, что Джонни может не очнуться!

– Я только хотел сказать, что мы...

– Он обязательно очнется! – Вера смотрела в окно на поле, покрытое причудливыми тенями. – Господь сохранил его для особой миссии. Это так! Ты, наверное, думаешь, откуда мне это знать? А я точно знаю, поверь! Господь возлагает большие надежды на моего Джонни. Я слышала это своим сердцем.

– Да, Вера. Хорошо.

Она потянулась к журналам и, нащупав экземпляр, стала машинально листать его.

– Я точно знаю! – упрямо, как ребенок, повторила она.

– Хорошо, – тихо отозвался он.

Вера опустила глаза в журнал, а Эрб уперся подбородком в ладони и перевел взгляд на окно. Солнце все еще перемещало тени. Он подумал, как быстро на смену золотому и такому переменчивому октябрю приходит зима. Он желал Джонни смерти. Он любил сына со дня его появления на свет. Помнил, с каким изумлением малыш смотрел на крошечного лягушонка, которого он принес к коляске и вложил ему в руки. Помнил, как учил Джонни ловить рыбу, кататься на коньках и стрелять. Помнил, как в 1951 году просидел всю ночь у кровати Джонни, больного гриппом, когда температура подскочила до сорока с половиной градусов. Помнил, как скрывал слезы, когда Джонни, закончив школу вторым по успеваемости из всего выпуска, выступил с речью, ни разу не заглянув в бумажку. Как много всего хранилось у него в памяти: вот он учит Джонни водить машину, а вот они с Джонни стоят на носу лодки в Новой Шотландии, куда однажды ездили на каникулы. Джонни тогда было восемь лет, и он так радовался и смеялся качке. Вот он помогает ему делать уроки, строить шалаш, учит обращаться с компасом, когда Джонни стал скаутом. Воспоминания не имели последовательности: единственным связующим звеном в них был Джонни, который так жадно любил жизнь, а она с ним так жестоко обошлась. И теперь Эрб желал Джонни смерти, хотел этого больше всего на свете. Хотел, чтобы сердце его единственного сына перестало биться и на графике электроэнцефалограммы уже не было никаких кривых, а только ровная линия. Чтобы Джонни угас, как фитилек прогоревшей свечи в лужице расплавленного воска, и перестал их мучить.

7

В самый разгар жары, меньше чем через неделю после Дня независимости 1973 года, у придорожного кафе в Сомерсворте, штат Нью-Хэмпшир, остановился продавец громоотводов. А где-то совсем неподалеку уже вполне могли собираться штормы, зарождаясь в восходящих потоках раскаленного воздуха.

Мужчину мучила жажда, и он хотел пропустить пару пива, вовсе не собираясь ничего продавать. Однако, бросив по привычке взгляд на крышу низкого и похожего на ранчо здания и увидев абсолютно ровную линию на фоне раскаленного неба, он вернулся за потертой замшевой сумкой, в которой возил образцы.

В кафе было прохладно, темно и тихо; слышался лишь приглушенный звук цветного телевизора на стене. Несколько завсегдатаев за столиками, да и сам хозяин следили за перипетиями очередной серии «мыльной оперы» «Как вращается мир».

Продавец громоотводов опустился на стул возле бара и положил на стул рядом с собой сумку с образцами.

– Привет, приятель! – сказал хозяин. – Чего желаете?

– Пива! – ответил торговец. – И себе тоже налейте, если хотите составить мне компанию.

– С удовольствием!

Хозяин принес два пива и, взяв доллар, положил на стол сдачу – три монетки по десять центов.

– Брюс Кэррик. – Он протянул руку.

– А я – Дохей. Эндрю Дохей.

Пожав ему руку, он залпом выпил половину кружки.

– Рад познакомиться, – сказал Кэррик и, налив молодой женщине с угрюмым лицом еще текилы, вернулся обратно. – Едете из города?

– Да. Коммивояжер. А здесь все время так малоллюдно? – Дохей огляделся.

– Нет, по выходным народу хватает, да и по будням тоже. Но основные деньги зарабатываем на вечеринках, если, конечно, удастся заработать. С голоду я не умираю, но и на «кадиллаке» не езжу. – Он наставил палец на кружку Дохея. – Обновить?

– И себе тоже, мистер Кэррик.

– Зовите меня Брюс. Наверное, хотите что-то продать, – засмеялся Кэррик.

Когда Кэррик вернулся с двумя полными кружками, Дохей сказал:

– Я заглянул передохнуть и немного освежиться, а не для того, чтобы продать. Но раз уж вы сами заговорили...

Он привычным жестом переложил сумку на барную стойку. Внутри звякнули железки.

– Так и есть! Начинается! – засмеялся хозяин.

Два завсегдатая – пожилой мужчина с бородавкой на правом веке и парень в серой рабочей спецовке – подошли узнать, что предлагал Дохей. Молодая женщина с угрюмым лицом продолжала смотреть «Как вращается мир».

Дохей вытащил три металлических стержня – на самом длинном был латунный шар, а на самом коротком – фарфоровые токоотводы.

– Что за черт... – удивился Кэррик.

– Громоотвод, – пояснил пожилой посетитель и хмыкнул. – Он хочет спасти твою забегаловку от кары Господней, Брюс. Так что не пропусти его слова мимо ушей!

Он засмеялся, а за ним и парень в серой спецовке. Кэррик насторожился, и Дохей понял, что если раньше имел хоть какие-то шансы на успех, то теперь они испарились. Опытный коммивояжер, он знал, что неудачное стечение обстоятельств способно сорвать сделку еще до того, как представится возможность поговорить о ней. Он относился к этому философски, однако по привычке все же начал рассказывать:

– Выйдя из машины, я невольно обратил внимание на то, что строение деревянное, а громоотвода нет. Так что за очень умеренную цену и на льготных условиях кредита, если он понадобится, готов гарантировать...

– ...что ровно в четыре часа это заведение поразит молния, – ослабившись, закончил фразу парень в серой спецовке. Пожилой завсегдатай одобрительно хмыкнул.

– А если серьезно, мистер, – вмешался Кэррик, – то посмотрите сюда. – Он показал на золоченый гвоздь, вбитый в дощечку на стене возле телевизора среди сверкающего ряда бутылок. На гвоздь были нанизаны листки бумаги. – Это всё счета, которые надо оплачивать до пятнадцатого числа каждого месяца. Все это расходы, а много вы видите здесь народа? Мне приходится поджиматься и проявлять осмотрительность...

– Об этом я и толкую, – подхватил Дохей. – Нужно проявлять осмотрительность. А покупка трех или четырех громоотводов – как раз попадает в эту категорию. Здесь налицо источник опасности – вы же не хотите, чтобы заведение сгорело от удара молнии?

– Он не возражал бы, – заметил старик. – Тогда получил бы страховку и переехал во Флориду. Верно, Брюс?

Кэррик смерил его недружелюбным взглядом.

– Что ж, поговорим о страховке, – предложил Дохей. Парень в серой спецовке потерял интерес к беседе и отошел. – Ваши страховые взносы на случай пожара уменьшатся...

– Моя страховка покрывает все сразу! – отрезал Кэррик. – Послушайте, сейчас мне это не по карману. Честно. Вот на будущий год...

– Что ж, может, я и заеду на будущий год.

Дохей знал: люди не верят, что в их дом ударит молния, а потом уже будет слишком поздно. Объяснить таким, как Кэррик, что установка громоотводов позволит сильно сэкономить на страховых премиях, невозможно. Но Дохей был философом и не кривил душой, сказав, что заехал просто передохнуть.

Намереваясь подтвердить это и показать, что не обиделся, он заказал еще пива, правда, на этот раз не предложил Кэррику составить компанию.

Пожилой посетитель опустил на стул рядом с Дохеем.

– Лет десять назад у нас тут молния ударила в человека на площадке для гольфа и убила его. А если бы он шел с громоотводом, тогда – другое дело, не так ли? – Он рассмеялся, дохнув

на Дохей застарелым запахом пива. – Говорят, монеты у него в карманах расплавились. Молнии – вообще странные штуки. Я помню, как...

Дохей рассеянно слушал его, машинально кивая. Молнии – действительно «странные штуки»: никогда не знаешь, в кого или во что ударят. Или где.

Он допил пиво и вышел на улицу, прихватив сумку со страховкой от кары небесной – не исключено, что единственной в своем роде. Несмотря на невыносимое пекло, Дохей постоял на пустынной парковке, разглядывая ровную линию крыши. 19 долларов 95 центов, максимум – 29,95, и хозяин не мог себе этого позволить. Да он только в первый год экономит семьдесят долларов на своей комбинированной страховке, а все равно считает, что это ему не по карману! А объяснять ему что-то при стоявших вокруг и подначивающих клоунах – значит, терять время.

Может, он еще пожалеет об этом.

Дохей сел в свой «бьюик», включил кондиционер и, пристроив сумку с образцами на сиденье рядом, отправился на запад в сторону Конкорда и Берлина, чтобы опередить грозы, которым суждено разразиться рано или поздно.

8

В начале 1974 года Уолт Хазлетт сдал экзамены на адвоката, и они с Сарой устроили по этому случаю вечеринку, на которую пригласили всех его друзей, всех ее друзей и всех своих общих знакомых. Всего набралось больше сорока человек. Пиво лилось рекой, и когда все закончилось, Уолт заметил, что если их не выселят из-за жалоб соседей, то они смогут считать себя везунчиками. Последние гости разошлись в три часа ночи, и Уолт, проводив их, нашел Сару в спальне, нагую, но в туфлях и сережках с алмазной крошкой, которые он подарил ей на день рождения, из-за чего ему пришлось залезть в долги. Они занимались любовью, пока, обессилив, не провалились в сон. Проснулись они только в полдень, и у обоих разламывалась голова. А через шесть недель Сара обнаружила, что беременна. Они оба не сомневались, что зачатие произошло в ту самую ночь после грандиозной вечеринки.

В Вашингтоне Ричарда Никсона постепенно загоняли в угол расследованием истории с магнитофонными записями. В Джорджии фермер, выращивающий арахис, в прошлом морской офицер, а ныне губернатор Джеймс Эрл Картер начал зондировать почву, намереваясь занять пост, который мистер Никсон скоро освободит.

В палате 619 больницы «Истерн-Мэн» Джонни Смит по-прежнему находился в коме, и его тело постепенно принимало позу эмбриона.

Доктор Стронс – тот самый, что разговаривал с Эрбом, Верой и Сарой на следующий после аварии день в конференц-зале, – умер от ожогов в конце 1973 года. В его доме сразу после Рождества вспыхнул пожар, вызванный коротким замыканием в неисправной рождественской гирлянде. Теперь за Джонни присматривали два новых доктора: Вейзак и Браун, заинтересовавшиеся его случаем.

За два дня до отставки Никсона Эрб Смит оступился на фундаменте дома, который возводил в Грее, и, неудачно упав на тачку, сломал ногу. Кость срасталась очень плохо, да так и не срослась до конца. С тех пор Эрб прихрамывал, а по дождливым дням даже ходил с палкой. Вера молилась за него и настояла, чтобы он на ночь заматывал больную ногу тканью, лично благословленной преподобным Фредди Колтсмором из Бессемера, штат Алабама. Цена «Благословленного покрывала Колтсмора» (как его называл Эрб) составляла 35 долларов. По его наблюдениям, толку от покрывала не было никакого.

В середине октября, вскоре после того, как Джеральд Форд публично простил бывшего президента, Вера снова стала ожидать конца света. Эрб узнал о том, что она собиралась предпринять, в последнюю минуту. Вера договорилась о передаче всех их скромных накоплений,

отложенных после катастрофы с Джонни, Американскому обществу последних дней. Мало того, она собиралась продать их дом, и через пару дней уже должны были прислать грузовик, чтобы вывезти все их вещи. Это открылось случайно, когда позвонил риелтор и спросил Эрба, можно ли после обеда показать их дом потенциальному покупателю.

И тут он впервые в жизни вышел из себя.

– Бог мой, да ты в своем уме?! – взревел Эрб и заставил жену рассказать о ее планах. Они были в гостиной, и он только что позвонил и отменил заказ на грузовик. В окна барабанил дождь.

– Не упоминай имени Господа всуе, Герберт!

– Замолчи! Замолчи! Я больше не желаю слушать эту чушь!

Она испуганно вздрогнула.

Эрб подошел к ней, тяжело опираясь на палку. Вера подалась назад и взглянула на него с таким мученическим выражением, что ему захотелось – прости Господи! – размозжить ей голову этой чертовой палкой.

– Ты вовсе не в том состоянии, чтобы не понимать, что творишь! – воскликнул он. – Так что причина не в этом! Ты действовала за моей спиной и орудовала тайком от меня, Вера! Ты...

– Нет! Неправда! Я не...

– *Правда!* – бушевал Эрб. – А теперь послушай меня, Вера! Я сыт по горло и больше такого не допущу! Молись сколько хочешь. За молитвы платить не надо. Пиши сколько влезет писем: марка стоит тринадцать центов. Если хочешь и дальше купаться в том дешевом дерьме, которым тебя пичкают мошенники от Христа, пожалуйста! Если хочешь и дальше верить в обман и фантазии – пожалуйста! Но только избавь от всего этого меня! Я выразился ясно? *Ты все поняла?*

– Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое...

– *Ты все поняла?*

– *Думаешь, я сумасшедшая!* – Лицо Веры исказилось от бессилия и безнадежности, а из глаз брызнули слезы.

– Нет, – уже спокойнее возразил он. – Во всяком случае, пока. Но, видно, пора поговорить начистоту, Вера. Уверен, этого не избежать, если ты не одумаешься и не перестанешь валять дурака.

– Вот увидишь, – сказала она сквозь слезы. – Вот увидишь! Господь знает правду, но не спешит ею делиться.

– Главное, пойми: пока Господь выжидает, наша мебель останется при нас! И что в нашей семье это не обсуждается!

– Наступает конец света! – воскликнула Вера. – Час апокалипсиса уже близок!

– Правда? А за кофе все равно просят заплатить пятнадцать центов, Вера!

За окном лил дождь. В том году Эрбу исполнилось пятьдесят два года, Вере – пятьдесят один, а Саре – двадцать семь лет.

Джонни лежал в коме уже четыре года.

9

Ребенок родился в ночь на Хэллоуин. Роды Сары продолжались девять часов. Чтобы облегчить их, ей давали небольшие дозы успокоительного. Сообразив в самый ответственный момент, что находится в той же больнице, что и Джонни, она в беспамятстве выкрикивала его имя. Потом в этом усомнилась и, уж конечно, никогда не рассказывала Уолту.

У Сары родился мальчик. Его назвали Деннис Эдвард Хазлетт. Через три дня их выписали из больницы, а после Дня благодарения Сара уже снова работала в школе. Уолт получил хорошее место в одной адвокатской фирме Бангора, и они надеялись, что в июне 1975 года

Сара сможет уйти с работы, если не произойдет ничего неожиданного. Сама же она не знала, хочет ли этого: работа ей нравилась.

10

В первый день 1975 года два маленьких мальчика, Чарли Нортон и Норм Лоусон из Отисфилда, штат Мэн, играли в снежки во дворе дома Лоусонов. Чарли было восемь, а Норму – девять лет. День выдался пасмурным, небо затянули облака, воздух пронизывала сырость.

Чувствуя, что дело движется к обеду и игре придет конец, Норм устремился в атаку и обрушил на Чарли град снежков. Смеясь и уворачиваясь, Чарли сначала отступил, а потом бросился наутек и, перепрыгнув через маленькую каменную ограду, отделявшую задний дворик дома Нортон от леса, побежал по тропинке, ведущей к ручью Стриммера. Норм ловко угодил ему снежком в капюшон.

А потом Чарли исчез.

Норм тоже перепрыгнул через ограду и немного постоял, вглядываясь в заснеженный лес и прислушиваясь к стуку капель, падавших с берез, сосен и елей.

– Вылезай, трус несчастный! – крикнул Норм и закудаhtал, рассчитывая выманить приятеля таким оскорбительным способом.

Однако Чарли на уловку не поддался. Его по-прежнему не было видно, а тропинка круто спускалась в овраг, где протекал ручей. Еще немного подразнив Чарли кудаhtаньем, Норм нерешительно помялся, переступая с ноги на ногу. Этот лес был территорией Чарли, где он чувствовал себя как дома. Норм любил играть в снежки, особенно когда побеждал, но не испытывал ни малейшего желания спускаться вниз, где мог нарваться на засаду и оказаться под градом заготовленных крепких снежков.

Сделав все же несколько шагов по тропинке вниз, он услышал пронзительный испуганный крик Чарли.

Норм Лоусон похолодел от ужаса, и его охватил леденящий страх, похожий на мокрый снег, в котором утопали его зеленые ботинки. Он выронил два снежка, заготовленные им. Крик повторился, но на этот раз едва слышно.

Наверное, он свалился в ручей, подумал Норм, выходя из оцепенения. Он бросился по тропинке, скользя, спотыкаясь, и, оступившись, упал. В ушах гулко стучало. И все же, перед тем как Норм упал в третий раз, он мельком подумал о том, что журнал «Мальчишечья жизнь» обязательно расскажет о его геройстве, проявленном при спасении Чарли из ручья.

Уже ближе к ручью, там, где тропинка резко сворачивала в сторону, Норм увидел, что Чарли Нортон вовсе не свалился в ручей Стриммера, а стоит и, не отрываясь, смотрит на что-то в снегу. Заметив приближавшегося Норм, он снова издал сдавленный крик.

– В чем дело? – спросил Норм. – Чарли, что случилось?

Чарли повернулся к нему. Его глаза расширились от ужаса, и он приоткрыл рот. Чарли попытался что-то сказать, но не смог и, издав пару невнятных звуков, показал на что-то рукой.

Норм подошел ближе. У него подогнулись колени, и он опустился на снег. Перед глазами все поплыло.

Из тающего снега торчали две ноги в узких джинсах. На одной Норм увидел туфлю, другая была босой, белой и беззащитной. Еще из снега торчала рука, казалось, взывая о помощи, но та так и не подспела. Тело было погребено под снегом.

Чарли и Норм обнаружили труп семнадцатилетней Кэрл Данбаргер – четвертой жертвы Душителя из Касл-Рока.

Со времени последнего убийства прошло почти два года, и жители Касл-Рока (ручей Стриммера протекал по южной границе, разделявшей города Касл-Рок и Отисфилд) надеялись, что эти кошмары не повторятся.

Однако они ошибались.

Глава шестая

1

Через одиннадцать дней после обнаружения тела Кэрол Данбаргер на север Новой Англии обрушился ледяной дождь. На шестом этаже больницы «Истерн-Мэн» все выбилось из графика. Многим сотрудникам не удалось вовремя добраться до работы, а те, кому удалось, сбились с ног, пытаясь все успеть.

В десятом часу молодая женщина – санитарка Эллисон Коновер – принесла легкий завтрак мистеру Старрету. Он перенес сердечный приступ и сегодня проводил последний, шестнадцатый, день в отделении интенсивной терапии. Шестнадцать дней пациенты обычно находились в реанимации после коронарного шунтирования. Мистер Старрет быстро выздоравливал. Он лежал в палате 619 и по секрету сообщил жене, что стремится поскорее выздороветь, чтобы покинуть палату, где на второй койке лежал живой труп. Постоянное шипение аппарата искусственного дыхания, подключенного к бедному парню, мешало спать, и временами у мистера Старрета возникало навязчивое желание отключить его насовсем.

Когда вошла Эллисон, работал телевизор. Мистер Старрет сидел на кровати с пультом в руке. Хотя новости закончились, мистер Старрет решил посмотреть очередную серию мультфильма «Мой задний двор». По крайней мере звук заглушит опостылевшее шипение аппарата искусственного дыхания.

– Я думал, вы не придете. – Мистер Старрет окинул унылым взглядом поднос с апельсиновым соком, йогуртом и пшеничными хлопьями. Он ужасно соскучился по насыщенным холестеринном яйцам, поджаренным в кипящем масле с пятью кусочками копченой свиной грудинки. А ведь здесь он оказался отчасти и по их вине. Если, конечно, поверить на слово доктору – настоящему придурку.

– На улице – кошмар, – пояснила Эллисон. Она слышала те же слова уже от шести пациентов. Вообще-то Эллисон, славная девушка, сегодня утром была на взводе.

– Вы уж извините меня, – проговорил мистер Старрет. – На улице, наверное, очень скользко.

– Не то слово, – смягчившись, отозвалась Эллисон. – Если бы я не взяла полноприводный внедорожник мужа, ни за что не добралась бы сюда.

Мистер Старрет нажал на кнопку и приподнял кровать, чтобы с удобством позавтракать. Кровать приводил в движение маленький, но шумный моторчик. Туговатый на ухо, мистер Старрет всегда усиливал звук в телевизоре. Как он в шутку сказал жене, парень на второй койке никогда на это не жаловался. Мистер Старрет и сам понимал, что шутка не слишком удачна, но после сердечного приступа он находился в общей палате с овощем вместо человека, и его спасал от безумия только черный юмор.

Эллисон поставила поднос на место и сказала, чуть повысив голос, чтобы перекрыть шум моторчика и звук телевизора:

– На холме Стейт-стрит много машин занесло в кювет.

На другой кровати Джонни Смит тихо произнес:

– Все на 19. Мы играем или уходим. Моей девушке нехорошо.

– Знаете, а йогурт очень даже ничего. – Мистер Старрет не выносил йогурт, но старался задержать Эллисон под любым предлогом. Оставшись один, он непрестанно шупал свой пульс. – Вкусом он напоминает лесной орех.

– Вы ничего не слышали? – спросила Эллисон и нерешительно обернулась.

Мистер Старрет положил пульт на кровать, и жужжание моторчика стихло. На экране Элмер Фадд выстрелил в кролика Багза Банни и промахнулся.

– Это в телевизоре, – сказал мистер Старрет. – Или я что-то пропустил?

– Думаю, ничего. Наверное, это ветер за окном. – У нее разболелась голова – слишком много дел, а людей мало. Эллисон помассировала виски.

Уже в дверях она остановилась и снова посмотрела на второго больного. Он чуть изменил положение, или ей кажется? Наверняка показалось.

Эллисон вышла из палаты, катя перед собой тележку с подносами. Как она и опасалась, утро действительно выдалось ужасным, и к обеду голова раскалывалась. Поэтому она не вспоминала о том, что ей почудилось в палате 619.

Однако в последующие дни Эллисон все чаще посматривала на Джонни Смита и к марту уже почти не сомневалась, что его тело чуть выровнялось и выходило из позы эмбриона. Очень и очень постепенно, но все же! Она хотела кому-нибудь сказать об этом, но так и не решилась. В конце концов, она лишь простая санитарка. И это не ее дело.

2

Джонни решил, что видит сон.

Он находился в каком-то темном и мрачном месте, похожем на коридор. Потолок терялся высоко наверху, и его не было видно. Стены из темной хромированной стали выдвигались вперед и раскрывались. Он был один, но издали доносился голос. Знакомый голос произносил слова, сказанные в другое время и в другом месте. Этот голос внушал ему страх. Он звучал, то нарастая, то затихая, и натянулся на темные стальные стены, совсем как оказавшаяся в ловушке птичка из воспоминаний детства. Она залетела в отцовский сарай для инструментов и, запаниковав, начала метаться. Она пыталась найти выход, пока не разбилась насмерть, налетев на стену. В голосе звучала та же обреченность, что и в отчаянном писке птицы, понимавшей, что ей уже никогда не выбраться.

– Всю жизнь строишь планы, стараешься... – глухо звучал невидимый голос. – Всегда стараешься как лучше, а сын приходит домой с волосами до задницы и заявляет, что президент Соединенных Штатов – полный кретин! Кретин! Это же надо! Я не...

Осторожно! – хотел крикнуть Джонни и предупредить голос, но не смог. Что за опасность? Он не знал. Джонни даже не знал, кто он сам, хотя смутно подозревал, что некогда был учителем или проповедником.

Господи Иисусе... слышался далекий голос, и в нем звучала обреченность и тоска. *Господи...*

И тишина! Замерли последние звуки. Потом все повторялось сначала – снова и снова.

А затем – он не ведал, сколько прошло времени, ибо время в том месте не имело никакого значения – Джонни начал пробираться по коридору и окликать голос (а может, ему так казалось), надеясь, что вместе им удастся выбраться оттуда или хотя бы поддержать друг друга в беде.

Однако голос (далекий и слабый) продолжал удаляться, пока не превратился в эхо от эха. И наконец, пропал вовсе. Теперь Джонни остался один и сам пробирался по пустынному коридору с темными тенями. И в нем крепла уверенность, что это не видение, не мираж и не сон, во всяком случае, в общепринятом смысле. Как будто он застрял где-то посередине между миром живых и миром мертвых. И к какому миру он продвигался?

Джонни окружали странные и пугающие образы. Подобно призракам, они заполняли пространство сзади, спереди и по бокам, пока он не оказался в их плотном и жутком кольце. Они касались его, внушали благоговейный страх, почти ужас. Джонни слышал все эти приглушенные голоса чистилища. Вот в темноте крутится «Колесо фортуны», мелькают красное и

черное, мелькают жизнь и смерть, и «Колесо» постепенно замедляет ход. На что он поставил? Джонни не помнил, а следовало бы, потому что на кону стояло его существование. Остаться или уйти? Или одно, или другое. Его девушке нехорошо. Ее надо отвезти домой.

Вскоре в коридоре чуть посветлело. Сначала Джонни решил, что это игра воображения, сон, который он видел во сне, если такое вообще возможно, но в конце концов свет стал слишком ярким, поэтому не мог быть иллюзией. Да и сам коридор уже не казался видением. Стены начали темнеть и были уже едва различимы, а потом их цвет сменился печально-серым, похожим на сумерки теплого и хмурого мартовского дня. Да и вообще Джонни теперь находился вовсе не в коридоре, а в каком-то помещении – или *в чем-то*, похожем на помещение, где вместо стен были тончайшие пленки, похожие на плаценту, а сам он напоминал младенца, ожидающего момента рождения. Теперь Джонни слышал другие голоса, звучавшие тоже глухо и размеренно, но уже без всякого эха, и похожие на ропот безымянных богов, говоривших на языках, канувших в Лету. Постепенно этот ропот звучал все отчетливее, и Джонни уже разбирал слова.

Время от времени он открывал глаза (или ему так казалось) и различал источники этих голосов: яркие и светящиеся призрачные фигуры – сначала безликие. Они перемещались по комнате и иногда склонялись над ним. Джонни не пытался заговорить с ними, во всяком случае, вначале. Он решил, что оказался в потустороннем мире, а эти яркие пятна – ангелы.

Со временем эти призрачные фигуры, как и голоса, становились все отчетливее и обретали узнаваемые очертания. Однажды Джонни увидел мать: она склонилась над ним и прокричала что-то неразборчивое. Потом различил фигуру отца. Затем Дейва Пелсена из школы. И медсестры, которая приходила в палату, – ее звали то ли Мэри, то ли Мари. Лица и голоса приближались и сливались воедино, в нечто непонятное.

Иногда Джонни ощущал, что *изменился*, и это не нравилось ему. Он чувствовал в этом какой-то подвох, подозревал, что это изменение не сулит ничего хорошего. Ему казалось, что перемены принесут только горе. Он вошел в эту мглу, обладая всем, а выходил из нее, не имея ничего, кроме тайной необычности.

Сон близился к концу. Так или иначе, но он кончался. И помещение теперь было вполне реальным и почти осязаемым. Голоса, лица...

Джонни собирался войти в комнату и вдруг понял, что хочет развернуться и броситься назад, в тот самый темный коридор – и остаться там навсегда. Этот темный коридор вовсе не был хорошим местом, но лучше оно, чем новое чувство горечи и грядущей утраты.

Он оглянулся и увидел, что возле стульев, мимо которых то и дело сновали вполне реальные люди, в стене был проход в коридор с темными стенами. Этого прохода никто не замечал, и Джонни решил, что он ведет в вечность. Именно там исчез другой голос – голос *водителя такси*.

Да. Теперь он вспомнил все. Поездку на такси, недовольство, с каким говорил водитель о своем длинноволосом сыне, его возмущение тем, как тот посмел назвать Никсона кретином. Яркие фары двух машин, выскочивших из-за пригорка и мчавшихся по обеим полосам дороги. Столкновение. Никакой боли, только осознание того, что он вырвал ногами счетчик из крепления. Затем ощущение холодной влажности, темного коридора, а теперь вот это.

Выбирай! – послышался голос. *Выбирай или выберут за тебя – и вытащат из этого непонятного места, как врачи вытаскивают младенца из утробы матери, сделав кесарево сечение.*

И Джонни увидел лицо Сары – она наверняка тоже неподалеку, хотя среди склонявшихся над ним ярких фигур ее не было. Она должна находиться рядом, тревожиться и переживать. Ему почти удалось добиться ее. Он это чувствовал и собирался сделать Саре предложение.

Джонни вновь ощутил беспокойство, еще более сильное, чем прежде, и теперь связанное с Сарой. Однако желание быть с ней возобладало над всем, и он сделал выбор. Джонни

отвернулся от темного прохода, а когда позже оглянулся, то увидел, что тот исчез. Стена возле стульев в комнате, где он лежал, была белой и гладкой. Теперь Джонни понял, что эта комната – больничная палата. Воспоминания о темном коридоре затерялись в глубинах памяти, хотя и не забылись окончательно. Но главное он помнил: его звали Джон Смит, у него была девушка Сара Брэкнелл, и он попал в ужасную автокатастрофу. Наверное, ему необычайно повезло, что он не погиб. Оставалось надеяться, что жизненно важные органы сильно не пострадали и по-прежнему функционировали. Его могли поместить в городскую больницу, но, вероятно, он находится в «Истерн-Мэн». Судя по всему, он здесь уже довольно долго. Возможно, был без сознания неделю или десять дней. Пора возвращаться к жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.